

МАША ТРАУБ

Бедабеда

Маша Трауб

Бедабеда

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трауб М.

Бедабеда / М. Трауб — «Эксмо», 2019

Сапожник без сапог. Такое случается чаще, чем мы думаем. Блестящие учителя оказываются бессильны в обучении своих детей, первоклассные врачи не замечают собственных болезней. Главные герои этой книги заботятся о других, хотя сами нуждаются в помощи. Равнодушие и предательство близких, сложившиеся в молодости нерушимые связи, счастье и горечь воспоминаний, поиск виновных в бедах, принятие и прощение. Врач-психиатр, ведущая прием, оказывается на месте пациента. Рассказ-исповедь становится способом исцеления от ран прошлого и проблем настоящего.
Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2019
© Эксмо, 2019

Маша Трауб

Бедабеда

© Трауб М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моя огромная благодарность Наталии Голоденко. Спасибо за поддержку и заботу

* * *

- Добрый день. Наверное, я зря к вам пришла. Только время отниму.
- Вы уже пришли. И оплатили визит. Так что за мое время не беспокойтесь.
- А что я должна рассказать? Детские страхи? Психологические травмы? Вроде бы у меня их не было. Ну то есть как не было? Я не знаю, что считать травмой. Обычное детство. Как у всех. Если честно, я не понимаю, как рассказывать. Может, вы мне подскажете? Для меня это в новинку. Странно ведь, да – откровенничать с незнакомым человеком, пусть и врачом. Вы бы смогли?
- Наверное, нет. Но мы же бываем откровенны с попутчиками в поезде, в самолете. Так что, если вам так будет проще, представьте, что я попутчик, которого вы больше никогда не увидите, даже если обменяетесь телефонами. Ведь вы оба точно знаете, что не позвоните.
- А вы сами откровенничали? В поездах?
- Нет. Хотя, возможно, в молодости. Но у меня всегда были друзья, подруги. Им я многое рассказывала. Точнее, нет, не рассказывала. Они и без слов все понимали. И, наверное, вы правы. Я давно ни с кем не разговаривала.
- Давайте тогда у нас будет диалог. Мне будет проще. Вы мне что-то расскажете, а я вам. А можно глупый вопрос?
- Можно.
- Говорят, психологией увлекаются люди, у которых у самих не все порядке с жизнью: незакрытые гештальты, детские травмы, – и они прежде всего хотят решить собственные проблемы. Это так?
- Да, если рассматривать психологию как увлечение, хобби, то и такая мотивация возможна. Но я психиатр. Врач. Психологам не обязательно иметь медицинское образование, и они не имеют права выписывать препараты. Так что если вы вдруг...
- Нет-нет, я не собиралась идти к психологу. Просто иногда кажется, что мне очень плохо. И срочно нужна помощь, потому что я не справлюсь сама. А уже на следующий день удивляюсь, откуда такие мысли вообще появились. У вас так бывает?
- Разумеется. Это нормально. Если, конечно, вы не пережили какую-то трагедию.
- Нет, именно на ровном месте.
- На ровном месте ничего не бывает. Мне лично так кажется. Просто у каждого человека свой запас прочности и разное покрытие, что ли.
- Покрытие?
- Да, как на сковородах. Есть чугунные, тяжеленные, долговечные. Есть дешевые, китайские, через месяц можно выбрасывать. Или модные, с суперпокрытием, к которому не прикоснись – ножом не поцарапай, под холодную воду не поставь, в посудомойке не помой. Не

сковородка, а нервная барышня какая-то, причем без особых талантов – в смысле толку чуть больше, чем от китайской. Ну на полгода хватит. Помните, как мы радовались, когда появились эти тефлоновые чудо-сковороды? Вот и люди так же. Есть тефлоновые, но с разной степенью изнашиваемости, что ли. Кто-то сгорает после первого же стресса, кто-то держится дольше. А есть и те счастливыцы, кому повезло родиться с чугунной психикой. Не существует абсолютно здоровых людей. Не бывает жизни без потрясений. Да, есть серьезные заболевания, требующие лечения. Но никто не может считать себя нормальным, если вы об этом. Каждый человек рано или поздно попадает в ситуацию, когда ему кажется, что он сходит с ума. Еще чуть-чуть – и сорвется. Иногда это чуть-чуть отступает, и человек приходит в норму. Опять же, норма – условное понятие. Что для одного норма, для другого – настоящее безумие. Так что у меня нет ответа на ваш вопрос. И не может быть. Если вы спросите, есть ли у меня проблемы, то да, конечно. Как и у лора, гинеколога, дантиста, хирурга.

– У меня еще вопрос.

– Пожалуйста.

– Препараты. Я имею в виду антидепрессанты. Вы сами когда-нибудь принимали? Дело в том, что я побаиваюсь. А пустырник на меня давно не действует.

– А в чем заключается ваш страх?

– Не знаю. Привыкание, возможно. Голова. Я не хочу жить в аквариуме. Скажите, только честно, вы сами принимали антидепрессанты?

– Да, принимала. Надо лишь подобрать правильную дозировку. Иногда это занимает много времени, больше, чем хотелось бы.

– И вам удалось? Ну, подобрать?

– Честно?

– Да, если можно.

– Нет. Вы правильно описали – в аквариуме. Кто-то говорит, «под водой», кто-то – «в самолете, и уши заложило». Я слышала определение «будто завернули в вату» и «летишь в облаке и ждешь, кода появится чистое небо и наконец приземлишься, но этого не происходит. Облако не заканчивается». Одна моя пациентка называла это состояние «разговор с мамой». Оказалось, что она впадала чуть ли не в транс, когда мама заводила с ней разговор «на важные темы». Ей было четырнадцать, а ко мне она попала в сорок. И мама все еще вызывала у нее эти ощущения.

– А что было с вами?

– Ничего особенного. Я просто не могла работать. Мне нужна голова, и желательно светлая. Мне нужно реагировать, причем быстро, а таблетки меня тормозили. Один раз я проглядела шизофрению. Точнее, должна была заметить болезнь сеансом ранее. Ничего ужасного не произошло, но после этого я больше не пью антидепрессанты. Даже когда совсем плохо.

– А что вы делаете? Есть замена?

– Есть, но не в том смысле, о котором вы думаете. Не нужно ломать себе руку, чтобы заглушить головную боль. Нужно найти другое. То, что вас «выключит». Для кого-то это танцы или фитнес, причем жесткий, с ежедневными тренировками. Для кого-то вышивание, рисование. Не важно.

– А для вас?

– Внучка. Мой антидепрессант – внучка. Так бывает. Дочь – сплошной стресс и все виды депрессии, начиная с послеродовой, а внучка – лекарство.

– Это ведь хорошо? То есть если я найду себе увлечение, хобби, которое меня затянет, не придется пить таблетки?

– Я должна разобраться. Может, и придется. Вышивание крестиком, к сожалению, не средство от всех болезней.

– Жаль, правда?

– Давайте все же вернемся к началу. Что, собственно, вас ко мне привело? Этот вопрос, конечно, из разряда риторических. Просто начните. Говорите о чем угодно. Хоть о погоде.

– Да, я вот вдруг вспомнила... Мне было пятнадцать, когда я попала в больницу с острым перитонитом. Аппендицит успешно вырезали. Но я влюбилась в хирурга. Он молодой и красивый. У него были теплые руки. Я его стеснялась ужасно. И все время думала о том, что он видел меня голой. Еще и побритой, ну, вы понимаете. Когда он заходил меня осматривать, я краснела, бледнела, один раз даже сознание потеряла. У меня скакал гемоглобин, родители доставали икру и гранаты. Никто не мог понять, что со мной происходит. А я то с низким давлением, восемьдесят на пятьдесят, то с температурой, то у меня рвота и диарея. И никто не мог предположить, что все симптомы вызваны влюбленностью. Швы заживали, но организм сходил с ума. Анализы пугали даже молодого хирурга. И никто не догадался просто спросить у меня, что происходит, хотя мне казалось, что все вокруг должны были заметить мои чувства, настолько они были явными. И хотела хоть с кем-нибудь поделиться. Я не понимала, почему никто не видит, даже он, мой возлюбленный. Почему смотрит в бумажки, а не на меня. Моя мама, кстати, его терпеть не могла и требовала замены – она считала, что врач мне достался неопытный.

Считается, что девочка ищет себе в мужа мужчину, похожего на отца. А я нашла себе мужа, похожего на того хирурга. И вышла за него замуж только потому, что у него всегда были теплые руки. И пальцы – длинные, красивые. А вы? Почему стали психиатром, почему сейчас сидите здесь? То есть почему вы выбрали... такой путь? И вот еще вопрос. Например, вы влюбляетесь в человека, в его профессиональные качества, чуть ли не преклоняетесь перед ним, а человек вдруг оказывается полным дураком. В бытовой ситуации. Самой банальной. Вдруг вы понимаете, что ваш знакомый, которым вы восхищались, не очень умный человек, так сказать. И что тогда делать?

– У меня такого не было. Но моя дочь как раз из тех, кто очаровывается и разочаровывается. Я, в силу возраста наверное, ничего не жду. В смысле для себя не жду. Ну и это совершенно нормально с точки зрения психики. Человеку свойственно влюбляться – не важно в кого и за что. И естественно испытывать разочарование. Плохо, когда влюбленность перерастает в одержимость. Когда чужая личность вытесняет свою собственную. Моя дочь, она не просто растворяется в человеке, в которого влюблена, – она проживает его жизнь. У нее меняются вкусы, представления, убеждения, манера одеваться – абсолютно все. Я не могу назвать это мимикрией, это нечто большее. И, откровенно говоря, меня пугает ее способность меняться не просто до костей, до подкорки, а до изменений ДНК. Каждый раз, когда это происходит, я вижу перед собой другого человека, другую женщину, но уж точно не свою дочь. Ее счастье, что она выходит из этого транса так же легко, как в него погружается. Будто ничего и не было. Я ничего не могу с этим поделать. Но у меня есть свое счастье – внучка. Она как раз из тех счастливиц, что не умеют страдать. Да-да, есть такие люди. То есть они, безусловно, переживают, но лишь до того момента, пока их самих это не затрагивает глубоко. А потом ставят заслонку. Есть такой, если хотите, психический эгоизм. Раньше мне казалось, что такие люди не способны на поступки, открытия, не умеют чувствовать всю палитру эмоций, потому как им важно сохранить себя, не навредить, не сделать прежде всего больно себе. Но теперь я понимаю, что такое свойство – дар. Моя дочь может попасть в секту, может выйти из окна, отправиться с кругосветное путешествие или уйти в монастырь. Для нее это вещи одного порядка и одних эмоций – разрушения до основания, чтобы даже фундамента не осталось. А внучка никогда подобного не совершит. Потому что все экстремальные ситуации предполагают выплеск адреналина, ломку сознания, переоценку ценностей, даже сумасшествие. Внучка никому не позволит копаться у себя в голове и не будет плясать ни под чью дудку. Она, как мне кажется, будет жить счастливо с тем мужчиной, который не станет ее любить до одури и которого не станет любить она, но который будет регулярно и вовремя выносить мусор.

- Забавно, что вы сравниваете эмоции с выносом мусора.
- Это самое точное сравнение. Я так решила для себя. Вам ведь не нужны официальные теории?
- Нет, конечно, нет. Я хотела именно этого... человеческого ощущения, что ли. Так что, пожалуйста, продолжайте.
- Странная у нас встреча получается. Я говорю больше, чем вы. Ну хорошо. Почему, собственно, нет? Если я предложу вам банальные тесты, вряд ли вы откликнетесь.
- Про ведро куда интереснее.
- Наша психика устроена как мусорное ведро. Кто-то вкладывает внутрь пакет, оставшийся от покупок, а кто-то предпочитает специальные мешки для мусора. Причем цвет иногда тоже имеет значение. Некоторые предпочитают исключительно черные и большие. Другие – яркие и небольшого объема. Вот вы когда выносите мусор? Когда ведро наполовину заполнено или когда уже приходится утрамбовывать?
- Когда почти пустое. Меня раздражает полное ведро. Я еще пакеты из-под сока и коробки сминаю или разрываю.
- Ну вот, вы сами и ответили на свой вопрос. Я же выбрасываю, когда ведро идеально полное. И ничего не разрываю, но бутылки складываю в отдельный пакет. А моя дочь устроит свалку и готова складировать мусор, пока тот не начнет вываливаться и вонять. Но все равно для нее вынос мусора превращается в испытание. Так еще в детстве было. Она не выбрасывала даже сломанные и испорченные игрушки – ей казалось, будто она выбрасывает часть себя. Но потом вдруг может выбросить все и сразу, включая нужное. Будто на мусоровозе, который сгребает без разбору, проехала по квартире. Моя внучка не может выбросить даже карандаш, если осталась хоть малейшая надежда его поточить. Рисует до огрызка. Я легко расстаюсь с испорченными продуктами. А вот моя мама не могла выбросить даже заплесневевший сыр. Не говоря уже о хлебе. Не знаю, как мы с братом выжили в детстве. Если мама затевала оладьи, значит, у нее прокисло молоко или забродил кефир. Если начинали подгнивать грибы – жди на обед грибной суп, в котором она еще и куриные крылья, выложенные для разморозки и забытые на пару дней, могла проварить. Не помню, чтобы у нас был понос, кстати. Мама собирала остатки еды в пакеты и шла кормить собак, кошек, птиц – ей было все равно кого. Лишь бы не в мусор. А я могу выбросить только что приготовленное мясо, целую сковороду, если оно окажется пересоленным или жестким. И никогда никого не подкармливаю.
- Да, никогда не думала в эту сторону. Так моя мама говорила всегда: «Подумай в эту сторону». А вы на глаз готовите или по рецепту? Я вот, даже если точно знаю рецепт, все равно достаю свои записи и сверяюсь. И ни разу не отступила ни на грамм, хотя очень хочется добавить больше масла или меньше муки.
- Ну это тоже нормально. Вы занимались спортом когда-нибудь?
- Нет, в детстве танцевала в ансамбле, но недолго.
- Я мастер спорта по волейболу. Мы все были разные. Дали задание сделать, например, десять ударов. Я делала девять. Даже не знаю, почему не могла или не хотела сделать последний. Была у нас одна девушка, Светка, она делала четырнадцать, если было положено десять. Мы терпеть ее, кстати, не могли. Моя подруга по команде Нинка или делала четыре, или вовсе стояла болтала. Но она была талантливой, исключением из правил. Даже эти четыре удара у нее получались идеальными. А были девочки, которые делали сколько положено, ни меньше ни больше. Вот как вы думаете, кого выделял тренер? А кто большего достиг в жизни?
- Ну, это понятно. Или талантливые, или трудяги-перфекционистки.
- Да, верно. Так должно было быть. Но жизнь вносит свои коррективы. Наш тренер терпеть не мог именно перфекционисток. Он обожал Нинку, у которой было редкое преимущество и качество – «плюс старт». Знаете, что это такое?
- Когда на соревнованиях выступаешь лучше, чем на тренировках?

– Именно. У Нинки – капитана нашей команды – был этот самый «плюс старт». А еще наплевательская легкость, с которой она делала и продолжает делать абсолютно все: жить, играть, воспитывать детей. Не наплевательское отношение, а именно легкость. И еще умение отпустить ситуацию и не пережевывать ее бесконечно. Да, допустим, проиграли. Бывает. Но это уже случилось, значит, надо отпустить и думать о будущем. О следующей игре. И просто играть в удовольствие. Чтобы каждый точный бросок казался будто случайным и оттого красивым. Нинка даже со спортом рассталась легко, без трагедии. Для меня – да, было тяжело принять, что я не стану, например, олимпийской чемпионкой, и в восемнадцать лет осознать, что я ничего не знаю, ничего не умею, кроме как мячик бросать. Я переживала. И не знаю, смогла бы окончить институт, если бы не Нинка. Ей не было страшно, не было обидно – почему у нас не сложилось, почему столько лет профессионального спорта пошли псу под хвост. Знаете, она ведь действительно стала отличным врачом. Ну и я благодаря ей. Нинке было интересно учиться, а я, скорее, отличалась ответственностью и свойством характера доводить дело до конца. Но я бы с тем же успехом могла стать не врачом, а, например, бухгалтером. Знаете, есть поговорка, что у каждого психиатра должен быть свой психиатр. Так вот Нинка – мой психиатр. Мне даже говорить с ней не нужно, мы думаем в одну сторону, если хотите.

– А та самая перфекционистка? Что с ней стало?

– Светка? Она убивалась на тренировках, жопу рвала, уж извините за выражение, сейчас работает тренером, и не знаю, как ее вообще к детям подпускают ближе чем на сто метров. Она не вышла замуж, не родила детей. Перфекционистка, которая издевается над детьми и мочалит их так, что я бы ей давно голову оторвала. Но ей досталась пара талантливых девочек, которые пробилась в юношескую сборную. Просто случай, повезло. Из двадцати девчонок одна точно попадаетея со способностями. Вот и Светке повезло. Она стала вдруг популярным тренером. Это не ее заслуга, хотя кто знает? Есть мнение, что лучшими тренерами становятся не звезды, не олимпийские чемпионы, а такие вот середнячки с неудовлетворенными амбициями. Ну и ей не жалко детей. Совсем. Они для нее материал – пластилин, глина, – из которого можно лепить. А если не получается, то не жалко скомкать и выбросить. Ведь всегда можно взять новый кусок. Наш тренер, Димдимыч, кстати, ее не подпускал даже к малышам, с которыми мы иногда занимались. Светка плевать хотела на технику, стратегию, мозг, она делает из детей машин, роботов. Я видела одну ее тренировку – дети вообще не понимают, что происходит на площадке. Мне их жаль. Димдимыч учил нас думать и видеть красоту в умных и техничных комбинациях. Не знаю, что я вдруг его вспомнила и почему вообще вам об этом рассказываю.

– Мне интересно. Продолжайте, пожалуйста. А как вы стали врачом? Почему именно врачом, а не, как вы говорили, бухгалтером?

– Спортивная квота. Играла за сборную института. В тот год спорт был на подъеме, все институты старались заполучить к себе спортсменов. Просто повезло. И Димдимыч помог. Это была его заключительная игра как тренера.

* * *

Людмила Никандровна Морозова, врач-психиатр, смотрела на сидящую перед ней женщину и не понимала, с чего вдруг так разболталась и почему обычный прием превратился чуть ли не в исповедальный монолог, причем не со стороны пациента. И что вообще на нее вдруг нашло? Вряд ли дело в пациентке, которая в ее услугах, откровенно говоря, не нуждалась вовсе. Но таковы были последние тенденции, которые Людмила Никандровна как врач могла только приветствовать. Мода на психологов, большую часть которых составляли самоучки-домохозяйки, желавшие стать дизайнерами или писательницами, но вдруг решившие, что все понимают в человеческих душах, к счастью, начала проходить. Людмилу Никандровну раздражало не столько поветрие на псевдоцелителей, сколько неправильное написание специ-

альности. У нее на приеме была одна такая доморощенная психологиня, которая тут же вручила визитку, на которой значилось «психиатр».

– У вас ошибка, – указала Людмила Никандровна.

Дамочка что-то говорила, а Людмила Никандровна искренне ей завидовала. Этот синдром, когда ты считаешь, что абсолютно все понимаешь в профессии, обычно настигает студентов после первой сессии. После второй, летней, они спят с медицинской энциклопедией и находят у себя все болезни сразу. Но эта пациентка застыла на стадии всезнания. Людмила Никандровна поражалась, даже восторгалась, непогрешимой уверенностью этой дамы в собственных знаниях. Она считала, что на основании личного опыта – «целых трех лет брака» – может специализироваться на семейной психотерапии. И пришла на прием к психиатру, чтобы разобраться в синдроме Мюнхгаузена, который тоже вошел в моду. Все находили этот синдром или у себя, или у близких. Дамочка даже выучила слово «делегированный» и старалась использовать его в речи как можно чаще.

Людмила Никандровна тогда от усталости и раздражения повела себя некорректно – посоветовала женщине переключиться на дизайн, желательнее ландшафтный, поскольку растения тоже жалко, но не так сильно, как людей. К собственному облегчению, пациентку она больше не увидела.

Так что она заранее приветствовала таких пациентов, которые за помощью и рецептом шли к врачу, а не занимались самолечением, колдовством и целительством. Но в этом случае она совершенно растерялась.

Анна – так представилась молодая женщина – пришла не с улицы, а по рекомендации давней, еще со школьных и студенческих времен, лучшей подруги Людмилы Никандровны. Нинка, Нина Михайловна Филиппова, была капитаном их волейбольной команды, а ныне врачом-косметологом, а если точнее – онкодерматологом. Тогда, сто лет назад, по той самой спортивной квоте им предложили выбрать любую специализацию. Людмила Никандровна, в те времена просто Мила, выбрала психиатрию, а Нина – дерматологию. Подоплека подобного выбора имела только у Милы – она хотела разобраться с собой и собственной матерью. А еще хотела, чтобы ее никто не трогал – на их факультете царила скука. Среди студентов было несколько детей и внуков авторов учебников, по которым они учились. Нашлись и представители знаменитых врачебных династий. Ну и чокнутых на всю голову хватало. А Нина выбрала дерматологию только потому, что там не было конкурса, зато имела своя рок-группа, в которой она тут же стала незаменимой ударницей, и своя команда КВН, в которой Нинка – дылда под два метра ростом, харизматичная, яркая, – тут же сделалась звездой и заводилой.

«Надо бы самой до Нинки наконец доехать», – в очередной раз подумала Людмила Никандровна, глядя на пациентку. Та была из счастливой категории женщин без возраста. Ей можно было дать от тридцати до сорока пяти, в зависимости от освещения и достижений современной эстетической медицины. Скорее всего, не больше тридцати пяти. В тридцать пять все-таки еще другая энергетика. Еще горят глаза, и в жестах прорывается импульсивность. После сорока у большинства женщин уже спокойный потухший взгляд и сквозит некая обреченность. Как правило, это никак не связано с принятием возраста и неизбежного процесса старения. Скорее, равнодушие, усталость. Многим хочется это смахнуть, стереть, пусть на время, даже короткое, и тогда случается связь. Именно случается. Как состояние опьянения в молодости, когда нахлебался дешевого вина или шампанского. Ударило в голову быстро, ярко, потянуло на подвиги, а потом голова болит так, что хочется застрелиться. Плюс побочные явления – диарея и рвота, причем одновременно. Не от алкоголя, от осознания того, что связь токсична. При крепкой психике женщина отделяется «побочкой» в виде поноса и днем, проведенным в кровати. При тонкой нервной организации на проблемы с желудком, который уже не так крепок, как в молодости, бессонницу и внеплановый поход к гинекологу накладываются стыд

и прочие чувства – от предательства до брезгливости. Отрезвление от чувств наступает быстрее, чем хотелось бы. Что поделаешь – возраст, опыт.

Людмила Никандровна рассматривала сидящую перед ней молодую приятную женщину и отметала один диагноз за другим. Замужем, говорит о муже с улыбкой и нежностью. Выглядит прекрасно. Речь грамотная. Сидит ровно, спокойно, скрестив ноги на манер выпускниц католических школ – колени вместе, руки спокойные, лежат на коленях. Ни единого признака хоть малейшего расстройства. Тогда что? Зачем Нинка отправила ее на консультацию?

Нинка иногда отправляла к ней своих клиенток, которые пришли за красотой. Как правило, им помогали мягкие антидепрессанты плюс Нинкины золотые руки. Клиентки, пришедшие за порцией ботокса, и не догадывались, что Нинка онкодерматолог, причем со степенью кандидата наук. А Людмила Никандровна – не психолог-самоучка, а врач-психиатр, много лет отработавшая в наркологической клинике.

– Мила, привет, тебе позвонит женщина. Анна Смирнова. Поговори с ней, – попросила Нинка.

Людмила Никандровна состроила гримасу, которую подруга тут же почувствовала.

– Просто поговори с ней. Я тебя прошу.

– Ты что, сама не можешь ей пустырник прописать? – хмыкнула Людмила.

– Могу, конечно. Но ты же у нас психиатр, а я так, за носогубные складки отвечаю, – хохотнула Нинка.

Нет, были и особенные случаи. Как только Нинка их распознавала? Людмила Никандровна не переставала удивляться настоящему, нутряному, чутью своей подруги. Вот она была настоящим врачом. И стала бы отличным психиатром. Нина все понимала про человека, когда тот только появлялся на пороге ее кабинета. Она успевала работать в физдиспансере, в частной клинике, где женщинам обещали пусть не вечную и пусть не молодость, но достойный вид, а еще – писать научные работы, ездить на учебу, повышать квалификацию. Нинка отвечала не только за родинки, морщины, маски, чистки, уколы красоты, лазеры и прыщи, но и распознавала начальную стадию послеродовой депрессии, видела нервные тики до того, как они становились заметны окружающим, собаку съела на обсессивно-компульсивных расстройствах.

Людмила Никандровна давно потеряла интерес к профессии как к творчеству, развитию, откровению. Она всегда была ремесленником, трудягой, профессионалом высокого класса, но никогда не замечала за собой такой страсти, которая жила в Нинке. Та хотела творить, создавать, развиваться, двигаться. Защищать кандидатскую, становиться соавтором учебника. Лишь бы не стоять на месте. А Людмила Никандровна как раз хотела остановиться и замереть пусть в призрачной, но стабильности.

Людмила Никандровна стала хорошим врачом и выглядела именно так, как должен выглядеть врач, – строгая, с ранней сединой в волосах, которая вдруг вошла в моду. Нинка же ругалась матом, как в молодости, громко хохотала, рассказывала анекдоты, исключительно пошлые. В ее кабинете всегда стояла бутылка коньяка – для клиенток, которые пришли на болезненную процедуру или просто хотели вместе с порцией уколов красоты снять усталость. Постоянным клиенткам Нинка говорила: «Ну, мать, ты даешь». К молодым обращалась: «Звезда моя». Нинка, обкалывая пациенток, успевала выслушивать жалобы на любовников, мужей, детей, свекровей. Как-то Людмила Никандровна пришла к подруге по записи и сидела в общей очереди. Нинка ее даже не сразу заметила. Людмила Никандровна иногда любила приходить на прием к подруге и посидеть среди пациенток – понаблюдать. Сверить свои ощущения с Нинкиными комментариями. Людмиле Никандровне было важно убедиться, что она еще видит, слышит, чувствует.

Так происходило и раньше, во время соревнований. В какой-то момент наступал ступор, накатывал ком и сражал всю команду. Мила очень боялась именно этого состояния, когда невозможно что-либо контролировать. Кажется, ты все делаешь правильно, а ничего не выхо-

дит, и вдруг становится безразлично, что произойдет дальше. У всех этот момент наступает по-разному и проявляется тоже по-разному. У той же Светки всегда перед игрой начинался понос. Она бежала в туалет, держась за живот, и приступы повторялись снова и снова. Светка не ела, не пила перед соревнованиями, но ничего не помогало – живот крутило. Нинка же перед ответственными матчами и ела, и пила, и хоть бы одна напасть ее взяла. А с жуткого похмелья Нинка вообще играла красиво – Димдимыч аж рот открывал от восторга. Она двигалась медленно, плавно, мяч подавала с затяжкой, лениво. Комбинации тоже выстраивала вроде как примитивные на первый взгляд, ученические, но прекрасные в своей точности. А Мила впадала в ступор ближе к концу игры. У нее был особый случай – она отбивала, подавала, но на площадке не присутствовала. И за игрой наблюдала будто со стороны и сверху. И только Нинка могла всех вывести из ступора. Один раз она заперла туалет, и Светка вышла на площадку с мыслью, что обосрется. Так и сообщила.

– Ну, класс! – рассмеялась Нинка. – Если не выиграем, то хоть поржем.

А Милу в какой-то момент Нинка ушипнула за ляжку. И та вдруг очнулась, вернулась к действительности. Так что с тех пор нога Милы была в синяках, но она была благодарна подруге за найденный способ. Светке требовался закрытый туалет, а ей – щипок за ляжку.

В холле частной клиники, где работала Нинка, Мила тоже чувствовала такие щипки, чтобы вернуться к реальности. Вот подруга завела в кабинет молодую женщину, и та пробыла в кабинете ровно полтора часа. Нинка к ней так и не зашла. Но женщина вышла довольная и свежая.

– А эта женщина из первого кабинета? – уточнила Людмила Никандровна диагноз.

– Ребенку два месяца, свекровь – монстр, приходит отоспаться, – ответила подруга.

У Нинки всегда было много чокнутых на приеме, не меньше, а то и больше, чем у Людмилы Никандровны.

Например, женщина явно за семьдесят. Все лицо в глубоких морщинах, как печеное яблоко, а руки – молодые, без единого пигментного пятнышка.

– А с ней что? – спрашивала Людмила Никандровна.

– Муж ее руки любит. Он давно ослеп и чувствует только руки. Она приходит ко мне, чтобы муж думал, будто она молодая и он еще молодой. Этим его и держит. Ей восемьдесят шесть. Мужу будет девяносто. Он трогает ее руки, целует их, прижимает к лицу. Ей это важно.

– Они, наверное, больше пятидесяти лет вместе? Удивительно.

– Да они поженились пять лет назад. Встретились в парке. И не спрашивай, как он ее увидел. Не знаю. Там все дети, внуки и даже правнуки на ушах стоят, не успокоятся. А этим молодым хоть бы что. Он не видит, но чувствует. Ее руки.

Был случай, когда одна из пациенток привела к Нинке свою дочь, которая давила прыщи, жаловалась на обилие родинок, хотела исправить нос, казавшийся ей слишком курносым, и уши – девочка считала себя лопухой. И Нинка объявила, что прием на сегодня окончен. Уж извините. Сложный случай.

Следующие три часа она читала девочке-подростку лекцию, показывая на плакатах схемы, тыча в учебник по дерматологии и объясняя все про хрящи, кости, наркоз, хирургические инструменты, включая пилу и молоток. Девчужка сидела насупившись и бубнила, что уже все решила и ее никто не переубедит. И тогда Нинка попросила маму сложной барышни выйти из кабинета, откуда вскоре послышался трехэтажный мат. Врач орала, что завтра же вместо новых сисек, носа, ушей и прочих частей тела девочка увидит больницу. Самую обычную. Но если захочет, то они еще и в психиатрическую на экскурсию заглянут, и в пластическую хирургию, а потом еще и физдиспансер. «Нина Михайловна, делайте с ней, что хотите. Я больше не могу», – всхлипнула мама девочки.

Нинка повела девочку, как и обещала, по всем больницам. Та хмыкала, равнодушно реагировала на окровавленные бинты, перевязанные лица. Но именно в физдиспансере ее подкото-

сило – она увидела ноги фигуристок, гимнасток и других спортсменов. Молодые, красивые ноги, изувеченные кровавыми мозолями, травмами, непроходящими синяками, сорванными подчистую ногтями. Девочки ее возраста при ней сдирали приросшие к пальцам пластыри, отрывали куски ногтей. Она увидела перебинтованные груди девочек, синюшные полосы от бинтов, торчащие ребра и ужас в глазах при виде весов. После этого барышня решила, что у нее все отлично – и уши, и нос. И вообще жизнь прекрасна.

Нинка могла справиться с кем угодно, но с Настей не получилось. Людмила Никандровна часто задавала себе этот вопрос – почему не вышло с ее дочерью?

– Скажи, когда ты заметила? – спросила она как-то подругу.

– Что заметила?

– Ты понимаешь, о чем я. Настю...

– Давно...

– Почему мне не сказала?

– А ты сама не догадываешься? Как я могла сказать? Это твоя дочь, а ты – моя подруга, лучшая, как сестра. Я не хотела тебя потерять.

– Я не видела, долго не видела. Не хотела.

– Это нормально для матери.

– Не нормально для матери-психиатра!

– Мил, ну вспомни, что говорил Димдимыч. Можно сыграть на пороках, на недостатках техники, на ситуации, наконец. На удаче, репутации. Но вам оно надо? Играть нужно на собственных данных и талантах. Все остальное – фуфло. Вот так и с твоей Настей. Что бы я ни сказала, оказалось бы фуфлом. Ты должна была сама понять и признать.

* * *

Людмила Никандровна усилием воли взяла себя в руки и очнулась. Стоило ей дотронуться до ноги, она будто просыпалась и сосредоточивалась. Нинка ее давно не щипала, но мышца все помнила. Людмила Никандровна еще раз посмотрела на Анну и опять задавалась вопросом: «Зачем Нинка ее к ней отправила?» Максимум – тоска заела, бытовуха. Или у мужа – кризис среднего возраста. Переоценка ценностей. Обычный страх, что жизнь проходит мимо. Людмила Никандровна продолжала размышлять, но Анна не подходила ни под один из традиционных типов ее пациентов. Людмила Никандровна даже начала злиться на Нинку – ну зачем тратить время? И ее, и этой женщины? Что Нинка вообще в ней разглядела странного? Обычная милая домохозяйка. Только от нее сама Людмила Никандровна впала в ступор, разболталась, как студентка-первокурсница, и провалила прием. Но дело даже не в этом. Диагноза нет. Женщина здорова. Тогда зачем Нинка так за нее просила?

Обычно все пациенты называли Людмилу Никандровну Людмилой Николаевной. Пару раз она была Никитишной, раза четыре как минимум Александровной и один раз Никаноровной. Пациенты не проявляли интереса к отчеству врача. Это нормально. Они могли запомнить Марьиванну, а на большее оказывались не готовы. Люди приходили со своими проблемами, а замысловатое отчество врача – еще одна проблема. Зачем его запоминать? Но Анна заметила:

– У вас необычное отчество.

– Да, папу звали Никандр, но он терпеть не мог свое имя, поэтому его все звали Коля.

– Наверняка вас тоже часто называют Николаевной. Не обижаетесь?

– Да нет.

– А меня мама называла Нюшей или Нютой. Я специально делала вид, что не слышу. Меня даже от Анютки трести начинало. Почему нельзя называть ребенка полным именем? У нас была девочка в школе, ее звали Анна-Мария. Представляете? Так ее как только не звали – то Аня, то Маша. Наша классная издевалась над ней, называя Марией-Антуанеттой. Девочки

отказывались с ней дружить. Ее мама ходила к директору и настаивала, чтобы дочь называли полным именем, а не Аней или Машей. Я завидовала этой девочке, точнее тому, что у нее такая смелая мама – не боится ходить к директору и отстаивать право дочери на полное имя. Моя мама считала, что та выпендривается. Даже сейчас она иногда называет меня Нютой. Неприятие собственного имени – это ведь тоже своего рода диагноз?

– Ну не то чтобы сразу диагноз, – рассмеялась Людмила Никандровна. – Сейчас вообще сплошное раздолье в именах. Даже у меня глаз начинает дергаться. Я вожу внучку на развивающие занятия, так там ни одной девочки с простым именем нет. Элина, Алина, Арина, Ариадна и Адриана, две Миланы, Марта. Две Евы и даже одна Сюзанна. Да что далеко ходить – мою внучку зовут Марьяна. Не Мария, а именно Марьяна – дочь тоже самовыразилась. А я на правах бабушки ласково зову ее Марьяша. А у вас есть дети?

– Есть. Сын. Ему тринадцать, – ответила Анна.

– Переходный возраст? – Людмила Никандровна все еще не понимала, зачем Нинка отправила к ней Анну.

– Нет. То есть да. Но ничего необычного. Все в рамках приличий. Я справляюсь, – ответила, улыбнувшись, Анна.

Людмила Никандровна отметила, что Анна говорит о сыне с любовью, нежностью. У многих матерей, когда они просто думают о собственном ребенке, меняется взгляд. И мало кто удерживается от соблазна достать телефон и показать фото. Так поступила и Анна – на фотографии был обычный подросток, симпатичный парень. Явно спортсмен.

– Он теннисом занимается и в футбол играет. И в баскетбол, – добавила Анна. Она явно гордилась сыном, что тоже было нормальным.

Людмила Никандровна отмела еще один диагноз. Бывают случаи, когда даже врач бессилен, да и не нужен. Вот и сейчас, перед Анной, у нее была такая пациентка, которая не нуждалась в помощи. Ирина прекрасно себя чувствовала, но пришла на прием из-за собственной матери. И как раз мать считала, что дочь точно сумасшедшая. На всю голову больная. Собственно, мать и была пациенткой Нинки и просто умоляла уговорить Людмилу Никандровну принять ее сумасшедшую дочь, у которой крыша поехала и рассудок помутился. А как не сумасшедшую, если она мужа любит больше, чем ребенка! Да-да, именно так.

Молодая женщина, пришедшая к Людмиле Никандровне только для того, чтобы ее мать уже успокоилась, прекрасно осознавала свои чувства, не отрицала их, не стеснялась. Но в ней успел поселиться комплекс вины. К тому же бабушка со своими представлениями о любви накручивала и собственного внука, каждый раз напоминая, что его мама ненормальная, раз любит мужа, а не такого прекрасного сына. Благо парень оказался достаточно здоровым, увлеченным гитарой, созданием собственной группы и бабушкиных причитаний, откровенно говоря, даже не слышал, поскольку спал и ел исключительно в наушниках. Когда бабушка заставляла его снять большие профессиональные наушники, он переходил на беспроводные, которых та не замечала. Парень был счастлив, что мать занята отцом и не достает его. Да и вообще был убежден, что ему повезло с родителями – гитару новую купили, наушники подарили, колонку на Новый год обещали.

Но Ирина все же призналась Людмиле Никандровне, что иногда и сама задумывается, почему сын не вызывает у нее столько эмоций, сколько муж. Неужели она такая ужасная женщина, мать, которая не испытывает должных чувств к собственному ребенку? Или так тоже бывает? Ведь ребенка положено любить больше мужа, причем отца этого ребенка. Людмила Никандровна убедила ее в том, что ничего особенно с ней не случилось. Больше того, что ей повезло – любить. Любить мужчину, мужа, отца своего сына. И сохранять это чувство ярким и неизменным в течение столь долгого времени. Если сын не страдает, если в доме царят мир и спокойствие, если никого эта ситуация не задевает, кроме бабушки, то, значит, такая у них семья, с такими устоями. И кто сказал, что должно быть иначе именно в их случае?

Ирина ушла успокоенная, а Людмила Никандровна еще долго думала о том, что, будь она не врачом, тоже бы повела себя как та бабушка. Она искренне не понимала, как можно вообще сравнивать и оценивать любовь? И разве любовь к ребенку не должна по определению, по всем человеческим и животным законам быть в миллиард раз сильнее? И как, должно быть, странно наблюдать за этой ситуацией той самой бабушке, которая жила по другим законам: главное для женщины – ребенок. А мужчина – так, между прочим.

* * *

Анна, очевидно, пришла с проблемой, никоим образом не связанной ни с мужем, ни с ребенком в переходном возрасте, ни с самооценкой, самоопределением, принятием себя или, наоборот, неприятием. У нее все было абсолютно нормально. Но не настолько, чтобы эта нормальность могла настораживать и вызывать подозрения в более сложных диагнозах. Например, шизофреники, которыми Людмила Никандровна искренне восхищалась. Точнее, заболеванием, которое было прекрасным и чудовищным одновременно. Которое делало людей талантливыми до гениальности и безумия. И в то же время доводило до животного состояния. Более общительных, очаровательных, харизматичных людей, способных увлечь, влюбить в себя, с великолепным чувством юмора Людмила Никандровна не встречала. И от этого еще страшнее становились преобразование, полная подмена личности.

* * *

– Вы давно в браке? – Людмила Никандровна сделала еще одну попытку.

– Да, давно. По нынешним временам – просто неприлично давно. Вышла замуж в двадцать один год. Родила в двадцать три.

«Двадцать три плюс тринадцать, – подсчитала про себя Людмила Никандровна. – Значит, тридцать шесть. Прекрасный возраст».

Замигал телефон. Пришла эсмэска, и через секунду – сообщение в вотсап. И тут же завибрировал телефон, поставленный на беззвучный режим.

– Простите, – сказала Людмила Никандровна.

– Ответьте, вдруг что-то важное, – улыбнулась Анна.

Нажимая на кнопку и чувствуя себя до отвращения неловко, Людмила Никандровна думала про эту завораживающую и одновременно успокаивающую улыбку Анны. Никогда в жизни доктор Морозова не позволила бы себе ответить на звонок во время приема, но Анна так улыбнулась и таким тоном произнесла про «что-то важное», что хотелось подчиниться. Причем с облегчением и радостью. Будто кто-то наконец взял на себя ответственность и отныне будет говорить, что тебе делать, чтобы жить долго и счастливо. Кстати, мечта многих женщин и даже мужчин – переложить ответственность на кого-то, не важно, кого именно – врача, батюшку в храме, собственного мужа или жену, мать и даже ребенка. Людмила Никандровна тоже мечтала найти такого человека, но понимала, что в ее случае это совершенно, категорически невозможно. А Анна – да она будто гипнозом владела. Людмила Никандровна посмотрела на часы – прошло пятьдесят минут, но она, убей бог, не понимала, как такое могло произойти. И непонятно, что с этой Анной делать дальше. Надеяться, что больше сама не придет? А что сказать Нинке, если спросит?

Звонила дочь Людмилы Никандровны, тридцатилетняя Настя.

– У меня прием, – отчего-то шепотом, прикрывая рукой трубку, ответила Людмила Никандровна. – Да, заберу Марьяшу, конечно. Куда ты уезжаешь? Когда вернешься? Это же через две недели. Да, хорошо, спасибо, что предупредила. Да, могла и не ставить меня в известность, естественно.

– Еще раз простите, – сказала Людмила Никандровна уже Анне. – Дочь решила уехать. Неожиданно. Впрочем, как всегда. Может, и не уедет. С ней никогда не знаешь, что будет. Знаете, многим родителям хочется, чтобы их дети не выросли и подольше оставались маленькими. А я вот уже мечтаю, чтобы моя дочь наконец перестала вести себя даже не как трудный подросток, а как шестилетка с вдруг проявившимся самосознанием.

* * *

Настя успела выйти замуж, родить дочь Марьяну, развестись, но так и не нашла времени повзрослеть. Марьяшу воспитывала Людмила Никандровна, пока Настя разбиралась с личной жизнью. Причем делала это так, как делают подростки, – бурно, каждый раз на всю жизнь, до потери сознания и желания выйти в окно. Людмила Никандровна не знала названия препарата, который помог бы ее дочери повзрослеть. Ее знания в этом случае оказались ненужными. Настя переживала сразу все кризисы, вместе взятые, – от трехлетнего до подросткового. Ее тянуло на крайности, подвиги, отрицание всего разумного и поиски смысла жизни.

– Настя, очнись, тебе уже тридцать лет. Не шестнадцать, – пыталась привести дочь в чувство Людмила Никандровна. – У тебя ребенок, ты уже разведена. Не пора ли повзрослеть? Ну сколько можно?

– Да ты в мои годы... – огрызалась Настя и повторяла жест, которым обычно оперируют дети, которые уже чувствуют себя взрослыми, но все еще вынуждены слушаться родителей. Людмила Никандровна видела этот жест, когда забирала внучку с подготовишек и какая-то бабушка выговаривала девочке лет десяти-одиннадцати, что та задержалась на продленке, опять потеряла перчатку, а ведь нужно еще успеть сделать уроки. Девочка сложила ладонь клювиком и сопровождала бабушкину речь этим клювиком, который то складывался, то раскрывался. Девочка «каркала» ладонью и приговаривала «бла-бла-бла». Бабушка собирала за внучкой сменку, искала перчатку и спрашивала, почему опять куртка грязная...

Когда Настя «чудила» в детстве, Нинка всегда предлагала один способ – «дать по жопе и отправить на сборы». Конечно, она была права. А Людмила Никандровна так и не нашла в себе силы заставить дочь заниматься спортом и уж тем более не могла поднять на нее руку. Нинкины сыновья, которым прилетало от матери-волейболистки редко, но метко, ходили шелковыми. Один раз Людмила Никандровна стала свидетельницей воспитательных методов Нинки. Ее старший восьмилетний сын Ярик на просьбу матери пойти помыть руки и идти ужинать ответил:

– Да пошла ты.

Вряд ли он полностью отдавал себе отчет в том, что значит это выражение, принесенное из детского коллектива. А если и понимал, то в силу возраста не мог оценить степень дозволенности употребления подобных слов. И уж тем более мальчик не собирался вот так прямо хамить матери. Но последствия не заставили себя ждать. Нинка развернулась и ударила Ярика по губам так, как обычно лупила мячом при подаче. Мальчик даже ойкнуть не успел, как, Впрочем, и Людмила Никандровна. Он даже не заплакал. Поднес руку к губе и потом долго и с удивлением разглядывал кровь – губу Нинка сыну разбила. Людмила Никандровна кинулась к аптечке за перекисью, бинтами и успокоительным.

– Иди умойся! – рявкнула Нинка.

Ярик пулей метнулся в ванную.

– Зачем ты так? – Людмила Никандровна накапала себе валокордин, поскольку Нинка спокойно продолжала вытирать посуду.

– Затем, – ответила та.

Так было и раньше, в их спортивной молодости. Если возникал вопрос, зачем разыгрывать ту или иную комбинацию, Нинка отвечала «затем», не считая нужным пускаться в объяснения. И оказывалась права – они выигрывали именно благодаря придуманной ею схеме.

Так вышло и на сей раз. Ярик с тех пор ни разу не посмел даже ругнуться при матери. Не говоря уже о том, чтобы пропустить мимо ушей просьбу вынести мусор или помыть за собой посуду. Мать он обожал и уважал. И младший брат, Гарик, который видел поведение старшего, относился к матери с не меньшим благоговением.

Подростковый период сыновья Нинки спокойно пережили на спортивных сборах, где все гормоны выгонялись кроссами, диетами и двумя трехчасовыми тренировками в день. Мальчишки росли красивыми, самостоятельными, немногословными и, можно сказать, беспроблемными. Ну а если что-то случалось, Ярик с Гариком умоляли тренера или учителей не сообщать матери. Лучше отцу. У Нинки было аж трое мужчин, которые ее обожали, не хотели расстраивать, берегли, заботились и мечтали лишь об одном – чтобы она была счастлива.

Людмила Никандровна по-доброму завидовала подруге. Она понимала, что ни о каком везении речи нет, хотя многие говорили про Нинку, мол, «повезло ей – замуж вышла, таких сыночек родила». Подруга сама выстроила свою семью так, как выстраивала игру. И держала удар. Каждый день, каждую минуту. Она была и стратегом, и тактиком, и, естественно, капитаном. У Людмилы Никандровны играть на личном фронте не получалось. Она проиграла еще на отборочных играх. Задним умом понимала, конечно, что Нинка была миллион раз права, но, как напевал на манер песни Аллы Пугачевой их тренер Димдимыч после проигрыша, «фарш невозможно повернуть назад».

Людмила Никандровна трезво оценивала физические данные дочери. Настя не была феноменально одарена, но не без способностей. Вряд ли она стала бы баскетболисткой или волейболисткой – все-таки ростом пошла в отца, – но у нее были достаточно длинные для девочки ноги, пропорциональный торс, узкая кость. К тому же она отличалась миловидностью. Но, к сожалению, путь в гимнастки и фигуристки тоже ей был заказан – Настя природной гибкостью не обладала, чем тоже пошла в отца. Мышцы кондовые. Еще у нее оказался низкий болевой порог – совершенно не терпела боль. При попытке растянуть ее на шпагат Настя начинала орать сразу же, и это оказалось не капризом. Она действительно не могла терпеть. Так что Людмила Никандровна решила, что девочка может найти себя в другом – петь, танцевать, рисовать, играть на музыкальных инструментах, сочинять стихи, наконец. Дочь начинала заниматься вроде бы с увлечением, но теряла интерес, если занятия требовали хотя бы минимальных усилий. Людмила Никандровна не заставляла Настю, не могла надавить, отправить на занятие насильно, не обращая внимания на слезы и сопли. Девочка быстро поняла, что мать можно манипулировать, и находила многочисленные, проверенные временем и многими поколениями детей отговорки: «спать хочу», «учительница кричит, и голос у нее противный», «живот болит».

– По жопе, – хохотала Нинка, когда Людмила Никандровна жаловалась подруге на дочь, которую невозможно было ничем увлечь. – Она лентяйка!

– Ну а вдруг ей и вправду не интересно? – Людмила Никандровна пыталась найти оправдание не столько Настиному, сколько собственному безволию.

– Ага, можно подумать, мы с тобой балдели от волейбола. Прямо спали и видели, как мяч через сетку будем кидать. Интерес приходит во время игры, как говорил наш Димдимыч.

Людмила Никандровна действительно не помнила, чтобы мечтала стать профессиональной спортсменкой и всю жизнь играть в волейбол. Да ни у кого из их команды не было такой страсти, разве что у Светки. Та – да, просто бредила волейболом. Но Нинка точно его в гробу видала.

– Ты же понимаешь, если у нас не было возможностей, то хочется, чтобы у наших детей они были, – опять оправдывалась Людмила Никандровна.

– Драмкружок, кружок по фото. Я говорю – по жопе, и пусть не выступает! – отвечала Нинка.

– Я не могу. Головой все понимаю, а толку-то. И про себя все знаю, и про Настю...

– Надо было тебе на венерологию, а не на психиатрию идти, – веселилась Нинка. – Меньше бы причинно-следственные связи искала.

Когда Настя вступила в подростковый возраст, как и сыновья Нинки, Людмила Никандровна уже на стену лезла от капризов и неконтролируемых взбрыков дочери. Та продолжала издеваться над матерью, еще в детстве уяснив, что ничего ей за это не будет. Дети пробуют край, линию, как на спортивной площадке, за которой считается «аут», но Людмила Никандровна не смогла начертить эту линию для собственной дочери. Настя становилась совершенно несносной, а ее шалости – все менее безобидными. Она, например, могла усесться на подоконник и свесить ноги с внешней стороны. Людмила Никандровна умоляла дочь так не делать, потому что опасно и вообще нельзя. Просто нельзя. Но Настя, поняв, что может произвести эффект, усаживалась на подоконник и, болтая ногами в воздухе, делала «уголок», попеременно отпуская руки.

– Слышь, звезда, если навернешься, то не сдохнешь – деревья внизу, но ноги свои красивые переломаешь и шею длинную свернешь на хрен. Ну и все, будешь овощем лежать. Мы ж тебя спасем, в лучшую больницу отвезем, – равнодушно проговорила Нинка, когда зашла в гости и увидела Настю в привычной позе в окне. Настя тут же соскочила с подоконника и никогда больше туда не садилась.

Дочь росла неряхой, что буквально выводило Людмилу Никандровну из себя. Уборка в комнате для Насти превращалась в трагедию и неизменно заканчивалась истерикой. В ее комнату вообще невозможно было зайти.

– И чё срач-то такой? – возмутилась как-то Нинка. – Не надо, что ли, ничего?

– Не надо, – огрызнулась Настя.

Нинка взяла совок, веник и начала заметать вещи в угол. Настя делала вид, что ей совсем неинтересно, но следила за действиями тети Нины – единственного человека, которого боялась, поскольку просто не знала, чего ждать от ненормальной подруги матери. Нинка взяла здоровенную сумку и засунула всю сметенную одежду, вместе с косметикой, трусами, колготками и всем, что валялось на полу. Утрамбовала и застегнула.

– И куда вы ее понесете? – спросила Настя, держась из последних сил.

– На мусорку выставлю. Кому надо, заберут. Тебе же не надо, – ответила Нинка.

А дальше было совсем смешно. Настя думала, что мать не позволит выбросить вещи, среди которых оказались и новые, дорогие. Да и не особо верила, что тетя Нина действительно выбросит все на мусорку. В реальность происходящего Настя поверила, когда Нинка дотащила сумку до мусорного контейнера, открыла сумку и к ней тут же приблизилась парочка бомжей и начала копать в содержимом. Бомжиха даже приложила к талии Настину юбку. Тут Настя, наблюдавшая за всем с балкона, пулей слетела вниз и отобрала сумку у бомжей. Впрочем, бомжиха юбку так и не отдала. Девочка впала в истерику и кричала, что это ее любимая юбка и без нее она вообще, можно сказать, голая, надеть нечего!

– Ну кто ж знал? – хмыкнула спокойно Нинка.

Настя перестала разбрасывать вещи. В шкафу, конечно, все было свалено как попало, но хотя бы появилась возможность ходить по комнате.

У Нинки находились рецепты воспитания на все случаи жизни. Если Настя отказывалась даже тарелку за собой в раковину поставить, Нинка советовала:

– Дай ей килограмма два-три картохи, пусть сидит и чистит.

– Она не будет, – пожимала плечами Людмила Никандровна. – Как я ее заставлю?

– Элементарно. Пока не почистит, жрать не сядет.

Да, это было элементарно. Для Нинки. Она бы точно не дала своим сыновьям даже сухой горбушки, пока не выполнят поручение. Нинка – мало того, что умная, так еще и с железным характером. Людмила Никандровна не могла похвастаться ни стальной выдержкой, ни хоть каким-то характером, если речь шла о Насте. Хотя нет. Даже в молодости, на соревнованиях, Нинка билась до последнего, и только благодаря ее выдержке их команда выигрывала у противника, который расслаблялся и уже праздновал победу. Нинка никогда не сдавалась. Мила же готова была принять поражение.

– Я тебя убью в следующий раз, поняла? – орала на нее подруга. – Чего ты руки опустила? Могла взять мяч!

Нинка умела мотивировать и заряжать лучше всякого тренера. Мила играла, чтобы не расстраивать Нинку. Чтобы подруга была довольна.

– Я не знаю, как вам объяснить, – Людмила Никандровна вдруг поняла, что говорит вслух. Что ее воспоминания – не в голове, а она их проговаривает. И Анна, ее, так сказать, пациентка, по-прежнему сидит напротив и внимательно слушает. У Людмилы Никандровны начало колоть в подушечках пальцев на руках – так происходило, когда она теряла контроль над собой и ситуацией. И сейчас в ее голове Анна будто переключила тумблер, отвечающий за монологи и откровения. Или Людмила Никандровна что-то съела и у нее начался словесный понос.

– Вы играли, – улыбнулась Анна, и бедная доктор Морозова, известный психиатр, опять подумала, что пациентка наверняка владеет гипнозом. Что-то крылось в ее взгляде, в улыбке, в манере себя вести, в этой доброжелательной неспешности. Людмила Никандровна пообещала самой себе, что подумает об этом специально. Разберет этот случай.

– Да, каждый имел мотив, – продолжала Людмила Никандровна. – Нинка играла, чтобы Димдимыч был доволен. Кто-то кидал мячик за еду, кто-то за возможность уехать от беспробудно пьющих родителей. Кто-то хотел лучшей жизни, которая обычно ограничивалась естественными, даже примитивными желаниями – хоть раз наесться досыта, поспать на чистом белье и хорошем матрасе, походить в кроссовках без дырок, получить новый спортивный костюм взамен застиранного до последней нитки.

Мы, девочки, не мечтали о косметике, богатых мужьях, хорошей жизни. Мы мечтали, сейчас это покажется полной дичью, о прокладках и тампонах. Среди девчонок ходили слухи, что существуют средства гигиены, которые позволяют играть, тренироваться, выступать, не думая о том, что «протечешь». Раньше всех обо всем узнавали, естественно, наши гимнастки-художницы. Первые в своей жизни прокладки и тампоны я получила от них. И они же научили нас ими пользоваться. Это было не просто счастье, а миг абсолютного, вселенского очумения, недоумения и одновременно – злости и досады. Ну почему у нас такого нет? Почему? Зачем нужны эти куски клеенки, вшитые в трусы, или – верх мечтаний – резиновый пояс для самодельных прокладок. Мне хотелось изобретателей этих средств заставить провести в них хотя бы одну тренировку. Но стоило мне, например, приехать домой на короткие каникулы и увидеть, как мать стирает и развешивает на батарее марлю «для этих дел», я тут же прекращала винить вселенную в несправедливости. Вот кто-то ненавидит, когда пальцем по стеклу проводят, а я покрывалась гусиной кожей, когда нужно было нарвать вату из большого рулона. Мама, естественно, заявила, что все прокладки вредны и меня никто замуж не возьмет. Хорошо, что она не знала про тампоны. Как и про то, что мы были равнодушны к собственному телу, сексу и браку, в который надо вступать непременно девственницей. Спорт подразумевает не только боль, но и наготу, уважение к собственному и чужому телу. Уж в раздевалках мы чего только не насмотрелись. Мальчики видели все формы груди, сосков, а мы знали, что огромные члены – не более чем сказки. Пот, слезы, поносы, рвоты... Мы знали, как устроено не только тело, но и организм. В анатомии разбирались все, и не только в разных видах мышц и связок. При этом мы уважали друг друга и помогали как могли. Ребята «протягивали» дево-

чек после долгого переезда на автобусе, когда «клинило» спину: кто-нибудь из самых высоких брал в захват и как бы встряхивал – позвонки вставали на место. Если судорогой сводило ногу, да так, что встать с кровати не можешь, звали кого-нибудь из наших парней – промять. Да, наверное, мы были лишены некой романтики, флера запрещенности, не знали, что такое влюбленность, стыд, как бывает у обычных молодых людей и девушек. И сексуальная связь для нас не являлась чем-то сакральным и судьбоносным. Скорее, удобством. Всего проще иметь парня – он и сумку дотащит, и еды принесет, когда кажется, что умрешь с голодухи. Да и достаточно ранняя сексуальная жизнь заставила нас рано же повзрослеть, избавиться от иллюзий и считалась или дополнительной физической нагрузкой, или психологической разгрузкой – кому как. Нет, мы не спали с кем ни попадя и партнерами по кругу не менялись. Сложившиеся пары были крепкими. И если случался разрыв, то из команды больше ни с кем не встречались – таково было неписаное правило. Мы научились расставаться. Обязательно друзьями. Наверное, потому что с самого начала были друзьями, а только потом становились любовниками. Наша командная связь, как показала жизнь, оказалась прочнее брачных уз. В моем случае точно. Странно, но никто из наших не связал свою жизнь со спортсменом. Наоборот, мы выбирали себе в мужья и жены людей, далеких от спорта. Тех, кому и в голову не придет спрашивать, как мы жили на сборах, как спали, что ели. А если и спросят, то все равно не поймут ни наших шуток, ни проблем, которые нас мучили. Мы выбирали себе в спутники жизни людей, которые не зайдут на нашу территорию. И наши воспоминания останутся только с нами. Многие из-за этого остались одинокими, как Светка. А многие, как Нинка, нашли своего идеального партнера на всю жизнь.

Спортсмены отличаются от обычных людей. Именно поэтому я, откровенно признаться, не хотела, чтобы Настя росла в этой среде. И именно поэтому Нинка сделала все, чтобы ее сыновья росли на сборах и воспитывались тренерами. Ярик с Гариком получали от спорта то, что и мы с Нинкой, – выдержку, характер, выносливость, адское терпение, способность преодолевать боль, самих себя. А вот Настя, моя собственная дочь, считала, что спортивная юность сделала меня монстром.

Когда дочери было лет четырнадцать-пятнадцать, она нашла новую форму манипуляций – стала падать в обморок. Сначала даже я думала, что она придуривается, но Настя действительно теряла сознание на секунду, на две. Чаще всего из-за духоты. Иногда от переживаний.

Еще на сборах мы знали, кто как реагирует на стресс, душный зал, кто когда «включается». Я, например, отлично играла с утра. На вечерних играх ползала сонной мухой. Накануне игры вообще не могла уснуть. Мне проще было выйти на пробежку, чем в кровати лежать. Я могла отправиться гулять в четыре утра, ходить до шести и в семь уже стоять под холодным душем. Нинка же всегда спала днем. Хоть полчаса. Ей нужно было поспать обязательно, иначе она всех поубивает, и если Нинка засыпала, мы на цыпочках ходили и даже дышать громко боялись. Опять же перед игрой она спала как сурок. Нинка вообще восстанавливалась сном. Могла сутки продрыхнуть, даже в туалет не вставать, а потом снова играть. Будто во время сна ее к розетке или к аккумулятору подключали и она заряжалась энергией.

Кровь носом, обмороки считались нормальным, обычным явлением. Кровь останавливали, засунув в нос скрученный кусок туалетной бумаги. А обмороки...

Когда Настя потеряла сознание, я даже не среагировала, как положено матери. Подошла, окно открыла, полотенце мокрое принесла. Настя очнулась. Второй раз я дала ей съесть кусок сахара и лимон. В третий – шоколадку с крепким и сладким горячим чаем. В четвертый уже ничего не сделала. Как бы это объяснить – мы справлялись сами. Кому-то больше помогал сахар. Кому-то лимон. Кто-то пил обычную воду, а кто-то сладкий чай. Каждый находил свой рецепт выхода из обмороков и даже контролировал начало падения. Мы отползали, чтобы не

грохнутья посреди зала и не мешать остальным тренироваться. Я даже рассказала Нинке, что Настя «плыть» начала.

– Ну, сахар в рот – и нормуль, – спокойно отреагировала Нинка. – Гормон играет.

Да и я думала так же. Для Насти же мое поведение стало настоящей трагедией. Она потом часто припоминала мне именно свои обмороки, когда я, оставив ее жевать лимон, спокойно уходила заниматься своими делами. А моя дочь, оказывается, очень боялась, что снова «поплывет». Даже как-то в истерике призналась, что из-за меня заранее ложилась или садилась, чтобы не упасть и не удариться головой об угол стола. Я опять не оценила. Что в этом такого? Мы тоже ложились под форточку напротив двери в зал, чтобы оказаться на сквозняке. Еще и сказала, что головой об пол больнее, чем об ковер. Даже малышки-гимнастки быстро учились вставать на мостик, потому что тренировались на голом полу, без матов. Два раза шмякались макушкой до звездочек в глазах, на третий учились удерживаться на руках.

И тогда Настя сказала, что я чудовище. И мой спорт сделал меня такой. Что я ничего не понимаю в обычных людях. Может, она была и права. Может, поэтому я стала хорошим врачом. Мне хотелось понять и разобраться в «обычных» людях.

– Вы действительно хороший доктор, – улыбнулась Анна, и Людмила Никандровна будто вышла из транса, очнулась от гипноза.

– Что? Простите, бога ради. Давайте на сегодня закончим. И вообще, закончим. Мне кажется, я вам совсем не нужна. И не подхожу в качестве специалиста. Да, я понимаю, что рекомендации Нинки... то есть... но и она может ошибаться. Сейчас я запишу вам телефоны других специалистов, действительно замечательных...

Людмила Никандровна начала лихорадочно писать телефоны врачей, с ужасом глядя на часы. Она, именно она, а не пациентка, проговорила почти два часа. Точнее, час сорок семь минут. И как такое случилось – непонятно. Все-таки гипноз какой-то. Анна же продолжала сидеть спокойно и улыбалась. Людмила Никандровна давно так отвратительно себя не чувствовала – сорвала прием, наговорила лишнего, повела себя в высшей степени непрофессионально.

– Спасибо, – спокойно сказала Анна, взяв бумажку.

– Вот правда, совершенно не за что.

Людмила Никандровна начала собирать вещи, думая о том, что опаздывает забрать Марьяшу с подготовишек и даже в магазин не успеет заскочить, как собиралась. Придется внучку сосисками на ужин кормить, а та будет только рада. Анна ушла. Людмила Никандровна попыталась успокоиться. Да, такое случается. Это нормально. Открываются лакуны, когда сходятся все обстоятельства – врач со своими проблемами и заботами, возможно, на стадии выгорания, пациент, оказавшийся симпатичным врачу. Время суток, освещение, и хоп – все идет к чертям.

Так и с игрой – вдруг все сходится в один момент. Идеальная форма, зал, настрой, время. И играешь так красиво, как никогда в жизни. Ради этого чувства Мила и продолжала тренироваться, не бросала, а не только ради дармовых кроссовок, в чем ее всегда упрекала мать. Мила слышала от «художниц», что те тоже иногда выходят на ковер и думают не о баллах, а о том, что на них смотрят. И все опять сходится – красота, сила, плоды ежедневных тренировок. И вот происходят магия, спектакль, представление, пусть и на короткий момент. Когда живешь на ковре, площадке, когда весь мир – это ты и твоя игра или выступление.

Людмила Никандровна забрала Марьяшу, которая уже сидела в коридоре и пинала ногой свой маленький рюкзачок.

– Ты опоздала, – обиженно сказала Марьяша. – А сама говорила, что опаздывать нельзя.

– Прости, у меня была... сложная, нет, странная пациентка.

Людмила Никандровна дала себе слово не врать внучке. Никогда. Ни по какому поводу. Даже в мелочах говорить правду. Настю она обманывала, как делают многие матери, и ничего хорошего из этого не вышло. Дочь ей не доверяла, не верила и никогда не стала бы откровен-

ничать. Даже в сложных, важных ситуациях Настя вроде как ставила мать в известность. Разговора по душам не получалось. Да, Людмила Никандровна чувствовала, что дочь ждет совета, но, стоило ей открыть рот, Настя тут же отгораживалась, обрастала шипами и защищалась от матери, как от врага. Людмила Никандровна не настаивала на близости, не ждала откровений или нежности. Настя всегда была колючкой, а Марьяша могла расплакаться, если бабушка ее не обняла или не поцеловала.

– Ты меня не любишь, что ли? – спрашивала Марьяша.

– Господи, конечно, люблю. Кого мне еще любить?

– Некого. В этом все и дело. Тебе некого любить, поэтому ты забываешь меня поцеловать. Вот я люблю тебя, маму, папу, в Колю влюбилась. Кристина Андреевна, наша новая учительница, мне нравится, я в нее тоже почти влюбилась.

Марьяша была права, как бывают правы только дети. Людмиле Никандровне некого было любить, кроме внучки. А Марьяша оказалась другой по натуре – готовой обнять весь мир. И Людмила Никандровна, ее воспитание – все это было совсем ни при чем.

Нинка часто шутила, что ей повезло с детьми, достались хорошие парни, мол, «выбрала» в роддоме лучших. Людмила Никандровна всю жизнь считала себя виноватой в том, что неправильно воспитывала дочь. Недоглядела или просмотрела, вовремя не увидела или видела, понимала, осознавала, но оказалась недостаточно твердой и сильной.

Когда же родилась Марьяша и стало понятно, что ее воспитание ляжет на плечи бабушки, Людмила Никандровна всерьез перепугалась. Она боялась повторить собственные ошибки. Она знала, что не сможет воспитывать как Нинка. С Настей не получилось, а с Марьяшей тем более. Но, наблюдая все эти годы за подругой, она поняла, что было в той и чего не хватало ей самой. Нинка умела восхищаться собственными детьми. И делала это искренне, по-настоящему, с желанием свернуть горы. Ярик с Гариком чувствовали, когда мама от них «балдеет», как они сами говорили, и потому очень хотели ее порадовать. А Людмила Никандровна никогда не «балдела» от Насти. И тогда она решила балдеть от Марьяши. Восхищаться всем, что она делает. Любой ерундовиной. Как оказалось, радоваться успехам ребенка, в миллионный раз слушать выученный стишок, плакать от умиления над его нелепыми поделками или первыми каракулями очень просто, проще, чем кажется. Надо только разрешить себе не сдерживаться.

Когда Настя в подростковом возрасте кричала, чтобы мать закрыла дверь, отстала, отвалила, и лепила на дверь листы с надписями «не входить», «это МОЯ комната», Людмила Никандровна все еще на что-то надеялась. Самые тяжелые подростковые кризисы проходят, будто их и не было. Но у Насти кризисы не проходили, а перетекали один в другой. Дочь превращалась в эгоистичное создание с нестабильной психикой и отсутствием всякой ответственности даже за собственную жизнь.

Нинкины сыновья плакаты на двери не лепили, потому что знали – мать так двинет ногой, что на фиг снесет дверь с петель. А потом свернет трубочкой все плакаты и засунет их в жопу до ушей. Нинка так и сказала как-то Насте, что, мол, если бы мои парни такое повесили и разговаривали в подобном тоне, то свернула бы трубочкой и так далее...

* * *

Ночью, после провального приема, Людмила Никандровна так и не смогла уснуть. Боролась с бессонницей чтением, пила капли, таблетки. Хотела даже позвонить Нинке, но отложила до утра. Она все размышляла об Анне, которая, наверное, нуждалась в помощи, а Людмила Никандровна не смогла понять проблему. Даже не попыталась, откровенно говоря. И не то что не помогла, а может, и навредила. Пустилась в воспоминания. А Анна слушала наверняка из вежливости. Доктор Морозова себя прекрасно знала – прокручивала в голове всю встречу и пыталась вспомнить момент, когда все пошло не так, как обычно. Ей не нужны были записи,

она помнила каждую минуту. Потом она еще раз мысленно проанализировала поведение Анны в бесплодных попытках хотя бы нащупать проблему. И самое ужасное – блокнот, в котором Людмила Никандровна делала записи, по старинке, от руки, оказался чист, хотя она всегда оставляла пометки, чтобы еще раз все обдумать.

Утром первым делом Людмила Никандровна все же набрала номер подруги.

– Нин, привет, прости, я на минутку. По поводу пациентки, которую ты мне прислала. Анны...

– Давай потом, перезвоню, процедура, – ответила Нинка и нажала отбой.

Людмила Никандровна удивилась – когда у Нинки шла процедура, на звонки отвечала администратор. Нинка даже в кабинет телефон не брала. Но через два часа, когда Людмила Никандровна перезвонила, ответила уже администратор и сказала, что Нина Михайловна на процедуре. То есть получалось, что Нинка с ней не захотела разговаривать. Но куда большее удивление вызвало не странное поведение подруги, а появление на приеме Анны.

– Вы? – Людмила Никандровна чуть со стула не упала.

– Я тоже рада вас видеть. – Анна улыбалась так мягко, приветливо, что Людмила Никандровна невольно улыбнулась в ответ. Есть люди с такой мимикой... Заразительные. Марьяша так хохотала, что заражала смехом всех вокруг. Девочка смеялась вроде как басом, раскатисто. И все, глядя на нее, тоже покатывались со смеху.

– Марьяша, умоляю, только не смейся, – просила иногда бабушка, и внучка начинала хохотать специально. Людмила Никандровна тоже смеялась до колик в животе. А если Марьяша начинала хохотать на уроке в подготовишках, то урок можно было считать сорванным – педагоги не могли успокоить детей, потому что сами покатывались со смеху.

Так и Анна – ей хотелось улыбнуться в ответ.

– Но вы же... мы вроде бы договорились... я ведь дала вам телефоны специалистов. – Людмила Никандровна не знала, как себя вести.

– Да, конечно, но мне захотелось попробовать еще раз с вами. Вы же меня не прогоните?

– Нет, конечно, нет... но я...

– Да, не знаете, как мне помочь и в чем моя проблема. – Анна явно владела гипнозом или эта ее улыбка так действовала. – Просто мне нравится вас слушать. Как сказки Шахерезады, если хотите. Вам никто не говорил, что вы замечательная рассказчица?

– Вот чего-чего, а такого точно никто за мной не замечал. – Людмила Никандровна вдруг успокоилась и решила, что, возможно, и такие беседы могут иметь терапевтический эффект. Раз это помогает пациентке... И тут же себя оборвала – ну что за ерунда у нее в голове? Точно пора на пенсию или хотя бы в отпуск. Марьяшу на море вывезти. Да еще и жара стоит такая, что Гидрометцентр заикаться начал, опасаясь делать прогнозы. Опять все температурные рекорды побиты. Людмила Никандровна всегда на полную мощь включала кондиционер, когда не было пациентов, но знала, что многие мерзнут, кого-то гудящий звук раздражает, кто-то боится подхватить инфекцию, хотя кондиционеры чистились регулярно.

– Простите, у меня холодно. Выключить, наверное? – спросила она у Анны.

– Нет, оставьте, хорошо. На улице дышать нечем, – ответила та, и Людмила Никандровна готова была ее расцеловать и рассказать все, что угодно. Она бы не выдержала, если бы пришлось выключить кондиционер и сидеть в духоте.

– На море хочется, – сказала Анна. – Особенно детей жалко, когда они в городе остаются в жару.

– Да, вы правы. Я только сейчас об этом думала. Что надо плюнуть, взять отпуск и уехать с внучкой на море.

– А ее мама? Ваша дочь? Она не может уехать?

– Может, но не уедет. Кто-то меряет время рождением детей или важными карьерными вехами, а моя дочь живет от драмы к драме. Не успев пережить предыдущую, она уже плани-

рует следующую, как многие планируют отпуск. Заранее, чтобы взять подешевле билеты, заказать лучшие номера с видом на море в отеле. Вот и моя дочь планирует трагедию заранее, чтобы наверняка, без всяких проволочек. В ее случае – чтобы не дай бог не обошлось без страданий.

– Вы переживаете?

– Естественно. Но уже не за Настю, точнее не за себя с Настей, а за Марьяшу. Хотя она растет на редкость здравомыслящей и не склонной к рефлексиям девочкой. Полная противоположность своей матери. Антипод, если хотите. Но все равно я не могу поручиться за то, что Марьяша... ну, хотя бы будет снисходительна к матери, когда вырастет. Связи у них особой нет. Марьяша считает мамой скорее меня, а маму – своей старшей, немного чудной сестрой. Это совсем ненормально. Но так сложилось. В каждой избушке, как говорится. У каждого своя картина мира и рамки дозволенного. Я имею в виду эмоции, переживания, чувства. А также то, что считать нормальным, а что нет. Единой меры не существует.

– Расскажите про дочь. Если, конечно, это не запретная тема. И про Марьяшу интересно.

– Никаких запретов. Мне поначалу тоже дочь казалась интересной. Я думала, надеялась, что ее необычность выльется во что-то большее. Так часто бывает – сложные дети становятся заботливыми и любящими родителями. Странные, неуравновешенные дети добиваются успехов вопреки всем прогнозам педагогов. Эгоисты приобретают железобетонную психику, нежные создания вдруг проявляют себя стойкими солдатами. Но Настя выбрала себе другой путь – прожить жизнь как можно бессмысленнее и бестолковее. И прожить ее исключительно для себя.

Настина личная жизнь была такой же яркой и короткой, как и увлечение музыкой и рисованием. Если музыка закончилась на «Собачем вальсе» двумя пальцами, то с рисованием Настя, можно сказать, продвинулась немного дальше. Людмила Никандровна до сих пор с ужасом вспоминала ту историю. Отправленная в художественную студию дочь, порисовав, как все дети цветочки и листочки, вдруг стала изображать кладбищенские кресты и могилы. Еще и гробы. И покойников в гробах.

– Я сама тогда чуть с ума не сошла и, конечно, винила себя. Как раз незадолго до этого умерла моя свекровь, Ирэна Михайловна, и отец Насти, Илья, попросил, можно сказать, настоял на том, чтобы его дочь проводила бабушку в последний путь. Илья тяжело переживал потерю матери, и мне не хотелось расстраивать его еще больше. Я согласилась, подумав, что в случае чего скажу дочке, что мы просто гуляем в парке. Кладбище было хорошим, ухоженным. Рядом небольшой лес, дорожки – одно удовольствие кататься на самокате или велосипеде. Так, собственно, и получилось. Мы погуляли, Настя даже не видела, как гроб в землю опускают. Да и маленькая она была – семь лет. Потом в кафе зашли – там хорошее кафе, – поели, чай попили. Насте даже понравилось на кладбище, особенно в цветочном магазине. Там стояли букеты и разные украшения – зайцы всех видов, бабочки. Настя попросила купить ей зайчика – мягкую игрушку. Ну а после этого начала рисовать кресты и могилы.

Если бы не Нинка, я бы с ума сошла. Настя ее всегда боялась, и если мне могла соврать, то тете Нине – никогда. Да и Нинка не церемонилась. Спросила в лоб, без всяких психологических выкрутасов, пообещав в случае вранья заставить Настю делать сто выпрыгиваний – когда надо низко присесть и высоко выпрыгнуть. Настя рассмеялась и несколько раз подпрыгнула, сказав, что это ерунда. Нинка кивнула и заставила Настю прыгать. После двадцатого раза Настя призналась, что просто хотела произвести впечатление. В художественной студии тоже, как оказалось, требовалось прилагать усилия. А Настя всегда была ленивой. И вдруг моя дочь поняла, что может запросто нарисовать крест, холмик, гроб и человека без всяких пропорций, лежащего в гробу. Быстро сообразила, что этим может привлечь внимание к собственной персоне и выделиться на фоне остальных детей. Все, кто видел ее рисунки, впадали в ступор и начинали бегать и суетиться. Мне позвонила ее учительница и попросила срочно зайти. Настя все слышала и намотала себе на ус. А потом я носилась с ней по врачам, исполняла все желания,

и она вдруг стала звездой. Девочкой, которая привлекает внимание без всякого усилия. Всего-то требовалось измарать очередной лист крестами и холмиками. Ну цветочки добавить. Нинка тогда хохотала и сказала, что я дура, раз сама не смогла заметить очевидного. Настя перестала рисовать могилы, как только педагог сказала, что это ерунда. Хочешь рисовать могилы, так иди на кладбище и рисуй с натуры. А сначала надо узнать, что такое линия горизонта, как соблюдать пропорции. Настя тут же стала нормальной, но отказалась ходить на рисование.

Впрочем, у Насти все-таки обнаружился настоящий талант – она «ассимилировалась», как хамелеон, принимала образ мыслей, взгляды, привычки мужчины, с которым жила. Она могла бы, наверное, стать неплохой актрисой, но и там требовалось хотя бы минимальное обучение мастерству. Людмила Никандровна, заметив способность дочери менять личность, а не внешность, испугалась не на шутку. С Настей происходили глубинные перемены – изменялись походка, манера отбрасывать прядь волос, жестикуляция, становившаяся то скупой, то бурной. Если бы Настя меняла стили в одежде, как делают все женщины, если бы экспериментировала с прической, макияжем – это было бы не так страшно. Точнее, совсем не страшно. Людмила Никандровна смотрела, как ее дочь, ее родная дочь, которую она родила, вырастила, меняется на глазах, превращаясь в другую, незнакомую женщину, которая отчего-то имеет Настину внешность и Настин голос. Людмила Никандровна даже иногда сама с собой шутила – мол, Настино тело опять позаимствовали инопланетяне. О том, что Людмилу Никандровну пугают изменения личности собственной дочери, знала только Нинка.

– Я говорила тебе, по жопе надо было вовремя дать, – говорила та. – И нашла бы ей секцию какую-нибудь, да хоть на штангу бы записала.

К счастью или несчастью, Настя так же быстро менялась в обратном направлении, если переживала драму. Естественно, все изменения были связаны у нее с любовью – в этот раз точно, на всю жизнь. Избранников Настя боготворила и не принимала ни малейшей критики в адрес очередного принца. Стоило Людмиле Никандровне хотя бы пошутить, Настя взбрыкивала, собирала вещи и уходила. Да, в этом тоже заключалась огромная проблема – дочь Людмилы Никандровны была абсолютно лишена чувства юмора. Она не умела шутить, смеяться просто так, не говоря уже о том, чтобы шутить над собой. Зато это качество в полной мере досталось Марьяше – та шутки чувствовала, любила и очень ценила.

Настя вышла замуж за отца Марьяши, будучи на девятом месяце беременности, хотя в загс вовсе не собиралась. На тот момент она, как и ее избранник, Евгений, считала, что печать в паспорте полная ерунда, а брак – изживший себя институт. Людмила Никандровна убеждала, просила, умоляла. Отчего-то ей казалось, что «официальные узы брака» заставят Настю отнестись ответственнее к предстоящему материнству и собственной судьбе. Так происходит со многими женщинами, для которых свадьба со всеми положенными атрибутами становится чем-то вроде антидепрессанта. Уходят лишние, пустые тревоги, пропадают панические атаки, и, пусть на время, наступает спокойствие. Людмила Никандровна мечтала, чтобы Настя наконец «угомонилась», почувствовала себя женой, семейной женщиной. Беременности дочери Людмила Никандровна тоже радовалась, опять же в смысле возможной переоценки ценностей. Ребенок – новый этап, другие заботы, иные страхи, новые желания, стремления. Людмила Никандровна готова была убеждать и уговаривать дочь до иступления, но Настя согласилась достаточно легко.

– А что, даже прикольно будет, если я рожу прямо в загсе.

По срокам выходило именно так – Настя имела все шансы родить прямо в свадебном платье при обмене кольцами.

Евгений тоже легко согласился на брак. Выяснилось, что его мать со своей стороны проводила беседы с сыном и настаивала на браке «из соображений приличия». Она не хотела, чтобы ее сына считали подлецом. Правда, приговаривала: «Потом, если что, разведешься».

Ребенок еще никого не останавливал. Но хотя бы ты будешь считаться честным человеком». Об этом Людмиле Никандровне рассказала Настя.

– Да уж, свекровь тебе достанется с тараканами в голове, – не поняла Людмила Никандровна.

– У тебя свои тараканы, у нее свои. Какая мне разница? – Настя вдруг расплакалась, причем горько и искренне.

– Что случилось? Плохо себя чувствуешь? – тут же кинулась к ней Людмила Никандровна.

– Если я тебе скажу, что не хочу ребенка, ты же опять поставишь мне диагноз, – Настя вдруг начала говорить как прежде, в моменты «просветления», как называла их Людмила Никандровна, когда ее дочь становилась собой. – А я не хочу. Мне плохо и больно все время. Я устала от этого живота.

– Это нормально. На поздних сроках... – начала Людмила Никандровна.

– Мам, не надо, хватит. Для кого-то это нормально, для меня – нет. Я даже в детстве в кукол не играла и не придумывала, сколько у меня будет детей и как их будут звать. Я не хочу ребенка. Разве все женщины обязаны хотеть стать матерями? А если у меня нет этого долбаного инстинкта?

– Почему ты тогда решила оставить ребенка? – не понимала Людмила Никандровна.

– Откуда я знаю? Мне было все равно, – пожалала плечами Настя. – А потом решила, что, если у тебя будет внук или внучка, ты от меня наконец отстанешь. Перестанешь меня лечить наконец.

– То есть ты не собираешься воспитывать собственного ребенка? – все еще не понимала Людмила Никандровна.

– Не знаю! Я ничего не знаю! Просто оставь меня в покое. Хочешь – я выйду замуж. Мне наплевать. Поскорее бы родить.

Людмила Никандровна всеми силами старалась забыть тот разговор, списывая эмоции дочери на усталость от беременности и волнение перед родами.

Не о такой свадьбе Людмила Никандровна мечтала для дочери. Настя и Женя отказались звать гостей.

– Зови сама кого хочешь, – сказала Настя.

– Но это же твоя свадьба. Разве вы не захотите отметить?

– Как ты предлагаешь мне отмечать? – отрезала Настя, показывая на свой живот.

Так что на свадьбе присутствовали жених с невестой и Людмила Никандровна. Мать жениха, будущая счастливая свекровь, в загс не явилась по причине то ли высокого, то ли низкого давления.

Да и сама Людмила Никандровна присутствовала только для того, чтобы предпринять разумные действия, если ее дочь соберется рожать. Но обошлось. Схватки начались утром следующего дня. Пришлось «кесарить» – слабая родовая деятельность, да и Настя не помогала врачам. Отказалась она и от совместного пребывания с младенцем и попросила новорожденную девочку увезти. На традиционное пожелание нянечки: «Приходи к нам за мальчиком!» – зло ответила: «Не дождетесь».

Людмила Никандровна надеялась, что если дочь не почувствует себя матерью, если пресловутый инстинкт в ней так и не проснется, то хотя бы увлечется процессом. Что Марьяша, пусть ненадолго, но станет ее страстью. Не случилось. Настя оказалась удивительно равнодушной к материнству и собственной дочери. Ее не особо трогали крошечные пинетки, рукавички, платица, при взгляде на которые обычно замирают все женские сердца. Людмила Никандровна видела, что Настя готова сорваться и все глубже погружается в послеродовую депрессию. Но, как и прежде, дочь наотрез отказывалась принимать помощь.

– Просто забери ее, – просила она мать, стоило Марьяше расплакаться.

– Она будет считать матерью меня, а не тебя, – мягко возражала Людмила Никандровна.
– Ну и что? Какая разница? Вырастет, разберется, сейчас ей вообще все равно, кто памперсы меняет.

Лишь иногда, на очень короткий миг, Настя могла подойти и ненадолго замереть над спящей в кроватке дочкой. В один из таких моментов Людмила Никандровна сделала еще одну попытку:

– Понюхай ее, младенцы пахнут по-другому. Марьяша пахнет ромашкой или васильками, но точно полевыми цветами.

– Мам, она пахнет какашками, потому что обкакалась, – ответила Настя, но все же улыбнулась. – А я чем пахла?

– Только не смейся. Мне казалось, что одуванчиками.

– Одуванчики не пахнут.

– Да, конечно, но я думала, что если бы у одуванчиков был запах, то именно такой.

– Мать-и-мачеха противно пахнет.

– Конечно, но одуванчики...

– Мне кажется, это очередная мамская выдумка, бред, чтобы выдать желаемое счастье за действительность. А на самом деле младенцы пахнут какашками и скисшим молоком. Еще присыпкой, которой их посыпают зачем-то с ног до головы. Или детским кремом. Терпеть не могу запах детского крема. Особенно того, которым ты меня в детстве мазала. Как он назывался? «Тик-так»? Нет, «Тик-так» еще ничего, а вот был еще зеленый, на нем собака красного цвета была нарисована и кошка такая жуткая, с красными глазами и красными усами.

– Он так и назывался: «Детский крем».

– Вонял ужасно. И жирный, липкий. Руки не отмоешь.

– Смотри, какая Марьяша красивая.

– Она толстая. Почему у нее такие здоровенные ноги? У всех младенцев такие?

– Как правило. Не хочешь с ней погулять как-нибудь в парке? Познакомишься с другими молодыми мамочками. Найдешь себе компанию. Вам будет о чем поговорить.

– Я не хочу. Неужели ты еще не поняла? Я не хочу считаться «мамочкой». Бесит, когда меня так называют. Не хочу гулять с коляской и улыбаться как дурочка, слушая, как кто-то рассказывает про какашки зеленого цвета. У меня, уж прости, все в порядке с психикой. И я не собираюсь плакать над песней из мультика про мамонтенка «Пусть мама услышит, пусть мама придет...». Что ты еще мне можешь сказать? Про пресловутую пуповину? Не выйдет. Ты же знаешь, пришлось делать кесарево. Меня разрезали и вынули Марьяну. Я ничего не чувствовала. Спасибо достижениям современной медицины – за изобретение эпидуральной анестезии надо Нобелевскую премию присуждать.

– Неужели тебе совсем все равно? – не удержавшись, спросила Людмила Никандровна, хотя уже знала ответ.

– Нет, не все равно. Но не жди от меня каких-то эмоций, которые вроде как приняты и считаются нормальными. Я не сошла с ума из-за того, что дала кому-то жизнь и почувствовала себя матерью.

Людмила Никандровна кивнула. Она не стала говорить дочери, что как раз ее-то состояние и считается ненормальным. И куда в ее случае делись все положенные молодой матери гормоны – от окситоцина до эндорфинов, непонятно.

А еще стало наконец очевидно, что все заботы о Марьяше лягут на плечи Людмилы Никандровны. И никто не поможет, не подстрахует. Оказалось, что у Марьяши, при всем изобилии родственников, никого и нет, кроме бабушки.

* * *

Если во время беременности Насти Людмила Никандровна еще и опасалась, что вдруг появившаяся у нее сватья начнет активно вмешиваться в процесс воспитания, то этот страх быстро прошел. Марина, кажется, Витальевна или не Витальевна, а Викторовна – Людмила Никандровна не могла запомнить, просто затык случился – оказалась классической эгоисткой, причем истеричного склада. Внучку она увидела на выписке, чего ей оказалось вполне достаточно. Участвовать в воспитании ребенка она хотела только по телефону. Но Людмила Никандровна терпеть не могла подолгу говорить, и связь с Мариной, кажется Витальевной, не сложилась с самого начала.

Но отсутствие одних проблем сполна компенсировали другие. Поскольку молодые родители не позаботились заранее о приобретении хотя бы коляски для ребенка, а Настя так и вовсе не понимала, как из нее вылез живой ребенок, который требовал есть, плакал, какал и снова хотел есть, то из роддома все, включая молодого отца, переехали в квартиру Людмилы Никандровны. В роддоме Настю так и не заставили начать кормить грудью собственную дочь, не смогла повлиять на нее и Людмила Никандровна. Настя выпила таблетку для прекращения лактации, и никакие угрызения совести ее не мучили.

Если с Настей все было понятно, то зять вел себя по меньшей мере странно. Он как раз любил пообщаться с собственной матерью и звонил той регулярно, дважды в день. Разговаривал подолгу и с удовольствием. Людмила Никандровна могла с легкостью поставить сразу несколько диагнозов своим новоявленным родственникам – от инфантилизма и эдипова комплекса на уровне шестилетки у зятя, до классической истерии, дополненной ипохондрией – у сватки. От зятя Жени Людмила Никандровна узнала, что мама страдает многочисленными и разнообразными фобиями – боится эскалаторов в метро, длинных переходов, в которых начинает задыхаться, туннелей и серпантинных. И именно из-за этого не может приехать в гости поведать внучку. Вот Марьяша подрастет, и тогда они будут возить ее к бабушке.

– Может, бабушка потренируется справляться с фобиями? Это лечится, если что, – сказала Людмила Никандровна.

Женя обиделся и молчал до вечера. Настя фыркнула и просила мужа «не обращать внимания, она всегда такая». Просила специально громким шепотом, чтобы Людмила Никандровна непременно услышала.

Вечером Женя долго общался с матерью, для чего закрылся в ванной.

– Пора Марьяшу купать, – напомнила Людмила Никандровна.

– А где ему разговаривать? – возмутилась Настя.

– А где мне мыть вашу дочь?

Настя опять фыркнула и начала стучаться в дверь ванной. Людмила Никандровна закрыла глаза и представила, как Нинка ударом ноги вышибает эту самую дверь.

Утром Женя сообщил, что они приняли решение воспитывать ребенка «чистым», о чем торжественно объявил за завтраком.

– Это как? – не поняла Людмила Никандровна.

– Никаких прививок и лекарств. Только травы.

– А, ну конечно, я могла бы сама догадаться, – кивнула Людмила Никандровна.

Зять, как выяснилось при более близком знакомстве, вдруг начал исповедовать вегетарианство, голодание, очистительные процедуры кишечника, детоксы и прочие чистки водой, солнцем и медитациями. А вслед за ним и Настя.

– Может, колбаски? Докторской, тонкой, как ты любишь? – спрашивала Людмила Никандровна у дочери.

– Мам, ты специально, да? – кричала Настя, которая явно не отказалась бы от куска колбасы или котлеты.

Да, Людмила Никандровна тогда частенько ловила себя на том, что делает все специально – издевается, доводит ситуацию до полного абсурда, просто чтобы самой не сойти с ума.

Новоиспеченный отец тем временем на радостях предложил Насте набить татуировку, чтобы подтвердить их духовную и физическую связь. За духовность отвечал выбранный рисунок – ящер, а за физику – место татуировки, ягодица. Задумка Евгению казалась гениальной – он хотел сделать тату на левой половине пятой точки, а Насте предложил украсить правую. Настя согласилась, поскольку Женя рассказывал, какая прекрасная получится семейная фотография, которую они будут показывать подростковой дочери – ящерицы смотрят друг на друга, когда их носители лежат жопами кверху.

Людмила Никандровна позвонила Нинке и попросила принять сбрендившую под влиянием мужа дочь и отговорить ее от ящера на попе. Нинка, ругаясь матом как сапожник, прочитала Насте, которую знала с младенчества, лекцию по дерматологии, а заодно и по смысловому значению ящеров на разных местах. Нинка хорошо подготовилась, недаром была отличницей на курсе, и провела исторический экскурс – от Северной Америки до древних славян. Естественно, все было связано с ящерицами и прочими рептилиями. По всему выходило, что ящерица – никак не символ сексуальности или мудрости, а просто изворотливая тварь. Но Настя уперлась, как делала это всегда, стоило начать ее отговаривать и взывать к здравому смыслу. Тогда Нинка предложила другой вариант, менее заметный для общества, но который свидетельствовал бы о поистине неземной связи с мужем. Настя замерла. Нинка тоже держала паузу и быстро нарисовала на бланке для рецептов ящерку.

– Какая красивая! Хочу такую! – обрадовалась Настя.

– Отлично, снимай трусы и ложись, – велела Нинка.

Нинка сказала, что самые крутые татуировки делаются на половых губах. Естественно, с обезболиванием. И даже цвет можно выбрать. Настя залилась слезами и собралась хлопнуть дверь.

– А если вы расстанетесь, что ты будешь делать с ящером? Сводить? Предупреждаю, это больно, долго и дорого, – сказала ей в спину Нинка.

Нинка, едва Настя скрылась за дверью кабинета, естественно, позвонила подруге:

– Ей бы делом заняться.

Верный совет, кто бы спорил. Настя, получившая приличное образование искусствоведа, ни дня не работала по специальности. Период увлечения дизайном оказался ярким, но стремительным. Как и увлечение фотографией, графикой, реставрационным делом и шитьем в стиле бохо.

– Пусть хоть ребенком займется да полышний раз помоешь, или дай ей несколько комплектов постельного белья – пусть гладит. Физический труд облагораживает, – хохотнула Нинка.

Людмила Никандровна тяжело вздохнула. Она успешно помогала решить проблемы другим, но с дочерью справиться оказалась не в состоянии.

Марьяша росла, тьфу-тьфу, здоровой во всех смыслах, а купание в очереди не было противопоказано и у веганов. Прививки Людмила Никандровна делала внучке согласно графику, просто не ставила об этом никого в известность. Но она чувствовала, что скоро тоже сорвется. Она очень уставала. Чтобы заботиться о Марьяше, пришлось взять официальный отпуск и за свой счет, и у нее не было уверенности, что она сможет в ближайшее время вернуться на работу, если не найдет няню для внучки. Все шло совсем не так, как она ожидала, а так, что хуже не придумаешь при всем желании.

Зять сидел в позе лотоса и хрустел сельдереем. Причем забывал убрать за собой ошметки этого самого сельдерея и помыть стакан после наполненного жизненной энергией смузи

и исключительно веганского кокосового молока. Настя опять мимикрировала и превратилась в странное существо с пустым и вечно голодным взглядом, с мутью в голове. При этом она в очередной раз обновила гардероб, что случалось регулярно, со сменой не сезонов, а партнеров. И теперь Людмила Никандровна каждый раз в ужасе шарахалась, видя перед собой странную женщину в шароварах, с немывтыми и нечесаными волосами, расписанными хной руками, кучей ниток на запястье и дешевыми побрякушками на шее.

– Не надоело еще? Ноги не затекли? Может, погуляешь с дочерью, разомнешься? Там деревья в парке есть, можешь с ними пообниматься. Говорят, помогает, – предлагала зятю Людмила Никандровна, которая за месяц такой жизни друг у друга на головах причем в позе лотоса, действительно начала срываться и искала малейший повод сказать гадость. Впрочем, поводов хватало с избытком. Зятю Людмила Никандровна быстро поставила диагноз и даже знала, как его вылечить, хотя имело смысл начать лечение лет пятнадцать назад. Тики – Женя без конца вытирал уголки рта. Плюс комплексы, целый комплект. Ну и психоз тоже присутствовал. «Два сапога – пара», – злилась Людмила Никандровна, размышляя, насколько затянется это увлечение дочери. Лучше бы уж побыстрее прошло.

Родительский энтузиазм воспитывать ребенка «чистым» у отца девочки пропал так же быстро, как и у матери. Женя понял, что грудной младенец после сеанса бейби-йоги будет орать всю ночь. А соевое молоко, предложенное вместо обычной смеси, есть откажется наотрез и зальется таким громким плачем, что никакая медитация не спасет. Настя под влиянием мужа один раз сходила на йогу, которой молодые матери занимаются вместе с грудными младенцами, купила слинг и даже пыталась засунуть в него Марьяшу. Но та опять разоралась и успокоилась лишь после того, как оказалась на руках у бабушки. Людмила Никандровна наблюдала за дочерью – та по-прежнему смотрела на Марьяшу как на куклу, которую ей вдруг подарили, сказали, что она очень дорогая и ценная, но играть в нее не хочется.

Сватья Марина, кажется Витальевна, сделала над собой усилие и приехала навестить внучку. Но к Марьяше не подошла, а долго и подробно рассказывала Людмиле Никандровне, какой пережила ужас, пока до них добралась. Ведь у нее фобия, случаются панические атаки на эскалаторах, лестницах и серпантинах.

– И где вы в Москве серпантин нашли, даже интересно, – спросила Людмила Никандровна.

Марина, кажется Витальевна, поджала губы и принялась рассказывать, как ездила в молодости в Крым, и там как раз у нее случился первый приступ панической атаки на серпантине.

– А дальше своего говенного района вы когда-нибудь выезжаете? – Людмила Никандровна даже не пыталась быть милой. С нее было достаточно. Она стала сама собой.

Нинка очень любила это состояние подруги и иногда сознательно ее доводила.

– Тебе должны все надоест до чертиков! – кричала Нинка на тренировке. – Разозлишь, тебя же уже достали!

Специально вызывать это чувство Людмила Никандровна так и не научилась, зато с момента рождения внучки пребывала в нем практически двадцать четыре часа в сутки.

Тогда она все сообщила сватье – и про невылеченные тики ее сына, и про ее псевдофобии.

– Ваша Настя тоже ненормальная! – воскликнула Марина, кажется Витальевна. – Да она вообще Жене не пара!

На этом, к счастью Людмилы Никандровны, родственное общение, можно сказать, закончилось. А вскоре и брак Насти развалился. Она подала на развод, как только Марьяше исполнился год. Людмила Никандровна, которая была свидетельницей скандалов между молодыми родителями, думала, что Насте наконец надоело жевать траву и носить дешевые бусы. Но все, к сожалению, оказалось так банально, что становилось тошно. Женя увлекся преподавательницей йоги и решил уехать на Тибет – то ли чтобы стать монахом в Шаолине, то ли чтобы

взойти куда-то и очистить карму. Но в результате Женя добрался лишь до Бибирева, где снимала однушку преподавательница йоги.

Людмила Никандровна морально была готова успокаивать и поддерживать дочь в непростой для любой женщины период – в состоянии развода. Каким бы странным, нелепым, непродолжительным или мучительным ни был брак, развод всегда дается тяжело именно женщине. Подспудно, на уровне инстинктов, она винит себя за провал, несданный экзамен по предмету «Этика и психология семейной жизни», который был введен, но не прижился в обязательной школьной программе.

Особенно тяжело, если причиной развода стала измена. Невыносимо, если изменил супруг. Для любой женщины это удар – по самолюбию, самооценке. Не просто земля уходит из-под ног, а рушится фундамент, все летит в тартарары. Людмила Никандровна знала это по собственному опыту и готова была разговаривать с Настей, сколько потребуется, объяснять, как врач и как мать. Но Настя развелась легко и особо не страдала. Точнее, вообще не страдала. И вот это Людмилу Никандровну пугало уже по-настоящему. Она надеялась, что дочь все держит в себе, не выплескивает наружу, но нет. Настя плевать хотела и на свой брак, и на развод, и на измену мужа. Она не сменила прическу, не перекрасилась радикально из блондинки в брюнетку или, наоборот, не начала худеть или толстеть. То есть не делала ничего из того, что обычно делают женщины в состоянии стресса. Разве что попросила мать пожарить ей отбивную на ужин. Йога, как и вегетарианство, стояла у нее поперек горла в прямом смысле слова.

Но опять же это никак не было связано с браком. Наевшись мяса, выбросив все безразмерные шаровары и коврик для йоги, Настя пустилась на поиски новой любви всей своей жизни. Людмила Никандровна смотрела на Марьяшу и радовалась, что внучка удивительным образом росла психически здоровой, даже слишком здоровой при таких родителях. Развивалась, как по учебнику – вовремя села, поползла, начала гулить. Даже иммунитет у Марьяши оказался таким крепким, что про нее в поликлинике говорили: «Выставочный образец». Никаких аллергий – ни на лактозу, ни на пыльцу. Людмила Никандровна, помня, какой болезненной и сложной была Настя в младенчестве, не верила своим глазам. Но Марьяша оказалась редким ребенком, приносящим только счастье, которое даже сопли и колики не омрачают. Когда начали лезть зубы, Марьяша вгрызалась в предложенные прорезыватель, баранку, морковку, кусочек яблока и тут же успокаивалась.

Настя же все еще искала смысл жизни.

Людмила Никандровна опять представила себе возможное развитие событий. Тоже ее давняя привычка, еще со спортивной юности. Нинка объясняла схему игры, и Миле важно было проиграть все в голове, представить подробно, как она отбивает, как переходит, как выглядит зал. Нинка всегда хохотала над этой привычкой подруги.

– Как будет, так будет, – говорила Нинка.

Так и сейчас – Людмила Никандровна предположила, что произойдет дальше. Она, например, не сомневалась в том, что объявится сватья. Так всегда было, есть и будет. Йогиня в качестве новой невестки должна была показаться Марине, кажется Витальевне, в миллион раз хуже бывшей. Которая, опять же по законам семейного жанра, обязана была в глазах бывшей свекрови обрести если не горящую звезду во лбу, то нимб уж точно. Не говоря уже о том, что бывшие родственники при расставании очень часто вдруг начинают испытывать нежные чувства друг к другу. Приставка «экс» имеет такой магический эффект – бабушки вдруг мечтают общаться с внуками, бывшие мужья становятся идеальными отцами, а тетушки, дядюшки, сватья и прочие троюродные племянники вдруг начинают поздравлять со всеми праздниками и даже передавать подарки. Так что Людмила Никандровна ждала звонка сватья и возвращения с повинной зятя. Но опять ошиблась, как и в случае с дочерью. Ни Марина, кажется Витальевна, ни Женя не звонили, не умоляли пустить на порог, чтобы хоть одним глазом увидеть

Марьяшу. В какой-то момент Людмила Никандровна не выдержала и спросила у дочери, не поддерживают ли с ней связь, так сказать, отец ребенка и его бабушка?

– Нет, а что? Должны? – искренне удивилась дочь.

– Вообще-то, должны, – ответила Людмила Никандровна.

Настя равнодушно пожала плечами.

* * *

Людмила Никандровна переживала за внучку. Что отвечать, когда она вырастет и станет задавать вопросы? Куда делся папа?

– Скажем, что в космос улетел, – ответила Настя.

– Настя, так нельзя.

– Откуда ты знаешь, как можно, а как нельзя? Я своего отца тоже считала космонавтом. И моя бабушка с той стороны... да я не помню, как ее звали! А твоя мама – та еще бабуля нашлась. Я ее вообще ненавидела. Она, кстати, меня била, если ты вдруг не в курсе.

– Она тебя не била, никогда.

– Откуда ты знаешь?

Людмила Никандровна опять замолчала. Наверное, чтобы не услышать подробности. Да, ее мать могла ударить. Но это считалось нормальным воспитанием ребенка. Подзатыльники, поджопники вообще не считались наказанием. Но Настя никогда, ни единого раза не пожаловалась на бабушку. Да, Нинка опять права. Как будет, так будет. А будет не так, как запланировано. Свои чувства и поступки предсказать невозможно, что уж говорить о других людях? Но Людмила Никандровна все-таки считала себя неплохим врачом и именно поэтому могла прогнозировать и предполагать. Как врач, знающий психотип человека. Но Настя подобрала себе родственников, как описала их Нинка, «поехавших». А Людмила Никандровна не умела лечить подобное заболевание.

Время шло. Настя то уезжала, то возвращалась. Где-то работала или нет. Иногда оставляла деньги. Вроде бы что-то передавал Женя в качестве алиментов. Марьяша по-прежнему росла чудесной, беспроblemной, радостной девочкой.

Людмила Никандровна водила внучку на танцы, курсы подготовки к школе, рисование и лепку. И Марьяше все нравилось. Она была усидчивой, терпеливой, настойчивой. Ей было важно довести дело до конца. Именно поэтому она добивалась успехов. Педагоги ее обожали и хвалили за трудолюбие. Настя не появлялась даже на открытых уроках, которые устраивали на кружках для обалдевших от счастья родителей. Марьяша не искала глазами маму и не спрашивала у бабушки, почему мама опять не пришла. И она все еще оставалась психически здоровой девочкой с развитой мелкой моторикой, образцово-показательным поведением, без гиперактивности или заторможенности. Марьяша продолжала развиваться по учебнику – все вовремя. Девочка легко освоила чтение, рисовала, не заходя за края рисунка. Выбирала яркие радостные цвета. Даже логопед ей не требовался. Пока остальные дети и их родители мучились от цветения ольхи, ветрянки, бесконечных ОРВИ и прочих напастей, Марьяша лишь крепла. Ей не были страшны ни сквозняки, ни кашляющие рядом дети, ни ольха с березой и даже мед с орехами и прочими аллергенами. Недолгая прогулка под скупым столичным солнцем – и Марьяша приобретала красивый загар.

* * *

– Это здорово. А у меня аллергия на тополиный пух. Глаза слезятся. И стораю сразу же.

Людмила Никандровна очнулась от воспоминаний и с удивлением посмотрела на Анну. Да, она по-прежнему находилась в кабинете и приветливо улыбалась. Людмила Никандровна

не знала, что она произносила вслух, а что проговаривала про себя. И готова была поклясться, что Анна пришла пять минут назад, не больше. Но часы показывали, что минуло почти два часа.

– Что-то с часами. Надо батарейку поменять, – сказала растерянно Людмила Никандровна, понимая, что опять опаздывает забрать Марьяшу.

– Нет, все верно. Просто я у вас засиделась. Спасибо огромное еще раз. Вы мне очень помогаете. Всего доброго. Я запишусь на ближайшее время.

Людмила Никандровна не понимала, что происходит. Она машинально убирала на письменном столе, расставляя ручки в подставке, складывая документы и журналы в ровные стопки.

Анна улыбнулась на прощание и вроде как испарилась. Людмила Никандровна не могла бы поклясться – была ли эта пациентка на приеме или ей все почудилось. Она корила себя за невнимательность. Наверное, действительно устала, раз опять так легко выключилась. Заработалась. Да и мысли были заняты то Настей, то Марьяшей. А еще мамой. Брат звонил вчера, пьяный, требовал забрать мать. Иначе он сдаст ее в местную психушку. И Людмила Никандровна ни минуты не сомневалась, что он это сделает.

Иногда по вечерам она думала о том, что заслужила проблемы с Настей. Потому что сама оказалась плохой дочерью и ей все возвращается сторицей. «Карма», – говорил бывший зять. «Отвечочка прилетела», – сказал ей один пациент, который не мог найти общий язык с сыном и считал, что это закономерно – он тоже не общался с собственным отцом.

Три месяца назад Людмила Никандровна отправила свою пожилую, страдающую деменцией мать домой. И все три месяца каждую минуту корила себя за этот поступок. Но тогда, три месяца назад, ей казалось, что это единственный выход. Да и мать каждый день, каждую минуту спрашивала, когда они наконец уедут из Москвы, когда вернутся домой. Ведь там поди огород совсем зарос. А соседи наверняка яблоки обобрали и малину тоже. Но ведь ни за что не признаются.

Никаких кустов малины, никаких яблоневых деревьев у них, конечно, не было. Видимо, память сохранила совсем старые воспоминания, из раннего детства.

Мама перестала узнавать свою дочь Милу где-то полгода назад. Иногда, правда, случались проблески, но лучше бы их не было. Мать, думая, что перед ней посторонний человек, становилась ласковой и милой старушкой, бабушкой, а если знала, что с ней близкие, превращалась в злую, раздражительную старушеницу. Придиралась по мелочам, кричала, что Мила ее в гроб загонит своими таблетками, лишь бы дом оттяпать у брата. Но пусть она не рассчитывает, завещание она составила, и там все на сына. Только на него.

Людмила Никандровна говорила «да, мама», конечно, хотя никакого завещания и в помине не было, а дом давно превратился в сарай.

– Витя где? – спрашивала мать.

Она просыпалась с этим вопросом и засыпала. Людмила Никандровна обычно отвечала или «ушел» или «скоро придет». Мать тут же успокаивалась и заводила любимую песню про то, что ее сын Витя работает с утра до ночи, то одна работа, то другая, а Милка лентяйка. С детства такая. Или мячик бросает, или, как сейчас, уходит на три часа. Что ж за работа такая, чтобы на три часа уходить? Да еще и находятся дураки, которые платят Милке за то, что она им мозги промывает. Ну ладно, они больные, что с них взять? Но как у Милки рука поднимается брать деньги? За что? За языком почесать?

Людмила Никандровна давно перестала спорить, возражать, доказывать и объяснять. Когда Мила начала играть в волейбол, мать без конца причитала, что «мячик кидать много ума не надо. За что только новые кроссовки подарили? Вот Вите ходить не в чем, а вам, бездельницам, все на голову валится».

Болезнь прогрессировала, Людмила Никандровна поняла, что долго не выдержит. Витя стал для матери смыслом жизни – предметом для разговоров, воспоминаний. Но когда мать стала кричать в голос и звать сына, тут уже у Людмилы Никандровны стали сдавать нервы.

– Витя, Витя! Где ты? Забери меня! Милка меня заперла в комнате! – кричала мать, и у Людмилы Никандровны тряслись руки, когда она доставала таблетки, чтобы мама могла успокоиться и поспать.

Настя тогда дома не появлялась – съехала к очередном бойфренду. Приезжала только за чистой одеждой и обувью.

– Да отправь ты ее наконец, – сказала она матери в очередной свой короткий набег домой.

– Она не понимает, что говорит и делает. Витке она не нужна. Ей требуются уход и препараты, – возразила Людмила Никандровна.

Настя пожала плечами:

– Зачем? Она все равно считает, что ты ее хочешь угробить. Какой смысл?

– Смысл, Настя, в том, что ты меня в ближайшую канаву выбросишь, если я буду в таком состоянии. Смысл в том, что она моя мама и твоя бабушка. И если я не привила тебе хотя бы толику сострадания, значит... Не знаю... иногда ты меня не просто поражаешь, а шокируешь.

– Делай как хочешь.

– Ты бы хоть зашла к бабушке. Может, она тебя узнает.

– Заходила. Она назвала меня шалавой подзаборной и обложила матом. Даже не знала, что бабушка умеет так ругаться.

– Так она тебя узнала?

– Нет, конечно. Я для нее была Лариской. Кто это, кстати?

– Жена твоего дяди, то есть, можно сказать, тетя. Но спасибо за то, что вообще к бабушке заглянула.

– Мне нужна была расческа. Я ее оставила у бабушки в комнате.

Когда мать стала кричать по ночам и пугать Марьяшу, Людмила Никандровна решила, что с нее хватит.

– Прабабушка опять кричала? – спрашивала утром Марьяша.

– Да, опять.

– И я опять проснулась из-за нее?

– Да.

– Если прабабушка хочет уехать, зачем ты ее держишь? – спросила девочка.

– Затем, что прабабушка болеет.

– Но ей здесь плохо, а вдруг там, куда она хочет уехать, ей будет хорошо?

– Может, ты и права.

Да, так бывает. Человек оказывается в привычном, знакомом месте, и болезнь если не отступает, то хотя бы не так явно проявляется. Бывает, что и ее течение замедляется. Если все подкрепить правильной схемой лечения, нужными препаратами, то можно держать больного в состоянии хоть хлипкого, но все же равновесия и стабильности.

Людмила Никандровна вступила в процесс переговоров с братом, которые оказались затяжными, изматывающими и бессмысленными. Виктор, страдающий не деменцией, а алкоголизмом, повторял за матерью чуть ли не слово в слово. Мол, Милке повезло – уехала в столицу, пристроилась, работа не бей лежачего. И все благодаря тому, что мячик покидала. А он, Виктор, горбатится с утра до ночи, а денег все равно нет. Так что Милке сам бог велел заботиться о матери.

– Витя, у тебя же давно нет заказов. Ты бухаешь, а не горбатишься, – напоминала Мила, – а если бы не бухал, так и заказы бы были.

– Ты своим чокнутым мозгом лечи, а мне не надо. Поняла?

– Витя, маме здесь совсем плохо. Я буду присылать деньги и лекарства нужные. Если потребуется, наймешь сиделку.

– Лариска может сидеть. Буду я еще кому-то бабки за посидеть отстегивать. Это у вас там так принято, а у нас нет.

– Витя, пожалуйста. Мама только тебя помнит и зовет все время.

– Недолго ты хорошей дочерью побыла. Как прижало, так и гудбай, мамочка. Пусть Витек корячится.

– Я же сказала, все оплачу, включая продукты.

– В жопу засунь себе продукты и бабки. Ты о матери говоришь, а не на рынке. У вас там все в Москве такие? Мать за колбасу продать готова?

– Да, Витя, у нас все такие. – Людмила Никандровна поняла, что взяла брата на слабб. В том, что Витек будет брать деньги и просить больше, она ни секунды не сомневалась. Но для всех окружающих, и в первую очередь в своих собственных глазах, Виктор должен был выглядеть героем. И получать тому подтверждение.

– Витя, ты же добрый, мама всегда тебя выделяла, любила. Ну пусть она хоть под конец будет счастлива. А меня, ты же знаешь, она терпеть не могла. Я ее только раздражаю. – Людмила Никандровна сама себя ненавидела в тот момент, когда все это произносила. – Я лекарства все передам, с ними мама спокойная, с Лариской сама поговорю, если что-то будет нужно, пришло.

– Ладно, – согласился Витек, будто одолжение сделал.

– Только попроси Лариску или кого-нибудь, чтобы дом отмыли и все в порядок привели.

– Уж без тебя разберусь как-нибудь. Еще предложи заплатить за уборщицу.

Ровно это Людмила Никандровна и собиралась сделать – предложить вызвать соседку, дать ей денег, и пусть она отмоет все, как положено. Белье перестирает. Но она знала, что Витек не любит расставаться с дармовыми деньгами. Да и по натуре жаден. Не скряга, но прижимистый. При этом мог в один день спустить всю зарплату на гулянку.

В сущности, он был неплохим парнем. Но из тех, кто в собственных неприятностях винит других. Тут не повезло, там не повезло. И у него всегда находился миллион оправданий для своих неудач. Это Милу особенно раздражало в брате.

– Никто не виноват. Только ты, – говорила она ему, но Витек обижался и опять начинал ныть, что Миле просто повезло, а ему нет.

Брат окончил не институт, а строительный колледж. У него даже талант обнаружился – он умел класть паркетные доски и любил это дело. Выкладывал узоры, тряся над каждой доской, полировал, подбирал. Первое время Витек даже уезжал на заработки – учился, набирался опыта, узнавал про новинки. Да еще и заказы потекли стабильным потоком. Он стал прилично зарабатывать. В их поселке городского типа вдруг стали покупать землю и строиться богачи из столицы. С какого перепугу они выбрали именно их деревню, Людмила Никандровна не понимала. Земля плохая, на огороде толком ничего не растет. Картошка мелкая, фрукты дорогие. До ближайшей больницы полтора часа на машине. Из развлечений – ларек на так называемой набережной и орущее оттуда радио «Шансон». Да еще продавщица Люська – анекдоты рассказывала так, как ни один мужик не умел. Травила с утра до ночи. Хоть записывай.

Да, поселок стоял на берегу моря, но с одной стороны сливная заводская труба, с другой – тухлая заводь, а дальше, за холмом, даже местные не рисковали купаться. Окунешься, и все – либо просрешься, либо сыпью покроешься. Даже пляж не пляж, а не пойми что – не песок и не галька, а что-то среднее. Мелкие камни прилипают к телу. Песок хоть смыть можно, а камни так легко не смоешь. Море тоже странное – где-то мелкотня, пока до глубины доберешься, идти устанешь, а где-то сразу глубина – один шаг, и от неожиданности ныряешь с головой. При этом, конечно, срach – как без этого? Да и видов особых нет – ни гор поблизости, ни живописных пригорков. Зелени тоже три куста в ряд. В общем, странное место. Но кто-то из началь-

ства решил, что оно перспективное, «незаезженное», земли – «хоть жопой ешь», как говорил Витька, гектарами продается за копейки. Витек даже хвастался, что скоро их поселок станет местной Рублевкой.

Началось строительство, брат носился с итальянскими паркетными досками, дышать на них боялся. И не признавался заказчикам, что в их климате роскошный паркет очень скоро пойдет волнами, а то и дыбом встанет. Правда, убеждал купить увлажнители воздуха, лично таскался с напольным кондиционером, чтобы создать нужную температуру. Витек тогда ходил счастливым и часто, напившись, вспоминал это время как лучшее в своей жизни. Но потом ему опять «не повезло». Одного заказчика посадили, забрав из только что построенного особняка, прямо по свежему паркету уводили. Второй сам уехал за границу, и, как оказалось, вовремя. Витек еще пару месяцев ходил и доделывал работу в надежде, что хозяин вернется. Но не случилось, естественно. Еще несколько потенциальных клиентов, которые стояли на Витька в очереди, отказались от идеи строительства.

Поселок так и остался засранным и убогим местом, без дорог, нормального электричества, часто и без воды. А если с водой, то вонючей и тухлой. Местные-то привыкли, а приезжие из туалета первые три дня не выползали. Виктор переквалифицировался и клал плитку в квартирах, сдающихся в аренду. Однако заказчики – местные – хотели «бедненько, но чистенько». Чтобы временные жильцы порадовались, что так дешево удалось снять квартиру, убедились, что море грязное, берег замусоренный, дети подхватывают кишечную палочку и – уехали, чтобы никогда больше сюда не вернуться. Но им на смену приезжали другие жильцы, и спрос всегда превышал предложение. И ничего в поселке не менялось годами. Разве что в ларьке теперь заправляла дочь Люськи, такая же матерщинница и поклонница радио «Шансон», как и ее мать.

Людмила Никандровна забрала маму в город, освободив для брата дом. Конечно, дом – сильно сказано. Витек, умевший и плитку класть, и сантехнику менять, в родном доме палец о палец не ударил. Дом скорее напоминал сарайчик, отапливаемый старой, чадающей печкой. Сколько раз Мила просила брата привести жилище в порядок, ну хотя бы внутри побелить, покрасить да хоть линолеумом самым дешевым прогнившие доски на полу прикрыть. Но Витьку было наплевать. Как только рухнули его планы на местную Рублевку, он загнал по дешевке кондиционер, увлажнитель и ушел в долгий, глухой запой. Пил неделю, не просыхая. Из запоя его вывела Люська из ларька, которая что-то подсыпала ему в пойло, так что он блевал и не сползал с унитаза еще неделю. После чего пообещал, что пить больше не будет. Все шло своим чередом. Как у всех в их поселке. С матом, разводами, свадьбами, рождением детей. Запоями, крестинами...

Людмила Никандровна потом часто мысленно возвращалась к тому моменту, когда решила забрать мать в Москву. Ведь та никогда не хотела жить с дочерью и уж тем более в столице. А она и не собиралась забирать маму к себе. Они перезванивались с Витьком, и тот обычно отвечал, что все нормально. Но потом Людмиле Никандровне позвонила Лариска, Витькина жена, то ли уже бывшая, то ли еще нет, и сказала, что «свекровка совсем с дуба рухнула». И раньше-то была с приветом, а тут совсем с головой поссорилась. То по поселку бегают и орет как полоумная, что ее ограбили и все из дома вынесли, то Лариску не узнала, когда та пришла порядок навести. Но звонила Лариска не из-за поведения свекрови, которую, как и все невестки, считала вселенским злом, но терпела, а из-за того, что Витька опять ушел в запой. Лариска спрашивала, нет ли какой таблетки, чтобы тайно подсыпать. Зашиваться он не хочет, хоть ты тресни. А Люська тоже отказывается помогать – тогда ведь Витек чуть не сдох от ее снадобья.

– А что с мамой, можешь поподробнее рассказать? – попросила Людмила Никандровна. И Лариска рассказала, как могла, как умела. Уже тогда стало понятно, что у матери деменция.

Людмила Никандровна уже не помнила, как уговорила мать приехать в Москву. Кажется, пообещала, что всего на неделю. И по магазинам пройтись. Да, и колбасу они обязательно купят. Кажется, мать тогда согласилась ради этой колбасы.

Поначалу все шло хорошо. Маме все нравилось – двор, чистые улицы, магазин, Красная площадь. Людмила Никандровна водила мать в театры, кино, даже в цирк. В цирке ей особенно понравилось. Не то что в их шапито, которое на лето приезжает. Людмила Никандровна подобрала терапию, подсыпала таблетки в сладкий чай, благо мать любила именно сладкий – три полные ложки сахара на чашку.

Но вскоре мать начала винить себя за то, что уехала из дому. Мол, сыну-то она нужнее. Чуть ли не каждый день звонила Лариска, плакала, говорила, что Витек, сволочь последняя, на развод подал. И уже к своей новой, Катке, переехал. Мать всплескивала руками, хваталась за сердце и бросалась собирать чемодан.

– Мам, он взрослый человек, сам разберется, – отмахивалась Людмила Никандровна.

– Ой, как он разберется-то? Ты забыла, как он настрадался от Лариски этой? Теперь вот еще одна шалава на его голову.

Людмила Никандровна слушала причитания матери про то, какой Витя хороший, добрый, доверчивый, как он, бедный, намучился с этими бабами, и диву давалась. Ни разу мать не интересовалась, как жилось дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.